1 августа — международный антивоенный, антифашистский день

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

№ 41 (677)

Литературная газета

Пятница, 30 июля 1937 г.

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР.

Цена 30 коп.

Против фашизма и войны!

«Вся международная обстановка в настоящий момент находится под знаком лихорадочной подготовки фашизмом нового передела мира путем захватнической войны и в то же время под знаком установления единства международного пролетариата и собирания сил трудящихся, сторонников демократии и мира, для борьбы против фашизма и войны» **(Г. Димитров).**

Интервенция германского фашизма в союзе с итальянским — в Испании, захват Японией китайских провинций, последние события в Северном Китае — все это этапы подготовки фашистскими агрессорами нового передела мира. Германо-японский военный союз, направленный своим острием против нашей родины, непрекращающиеся провокации японо-манчжурских банд на дальневосточной границе СССР — свидетельство антисоветских замыслов и вожделений фашистских агрессоров, мечтающих о расчленении Советской страны, о закабалении социалистического народа.

Указание товарища Сталина на два главных очага военной опасности — Германию и Японию — полностью подтвердилось. Бешеная гонка вооружений, создаваемых за счет ограбления трудящихся масс, перестройка всей экономики для целей войны, рост захватнических вожделений фашистской буржуазии, политика наглого насилия и откровенных военных авантюр — вот что характеризует «деятельность» германских и японских поджигателей войны.

В своей «работе» по подготовке новой кровавой бойни, угрожающей всему человечеству, фашистские варвары широко используют растленную банду врагов социалистического народа, троцкистско-бухаринских реставраторов капитализма, наемников германо-японской фашистской разведки. Им поручается выполнение наиболее гнусных «заданий» фашизма: вредительство, диверсия, шпионаж, террор против рабочих и колхозников, против руководителей советского народа.

Миллионы трудящихся в странах фашистской диктатуры стонут под гнетом фашистского террора, обреченные на нищету и голод, на неслыханную эксплоатацию капиталистами, на политическое бесправие. Сотням миллионов трудящихся во всем мире фашизм грозит новой кровопролитной бойней, реками крови, ужасами массового варварского убийства, уничтожением сокровищ культуры и искусства.

«История возлагает в настоящий период на международный пролетариат великую миссию — спасти человечество от варварства фашизма, от ужасов подготовляемой им новой империалистической войны» **(Г. Димитров).** Могучее социалистическое государство рабочих и крестьян, ведущее неуклонно политику мира и разоблачения кровавых замыслов поджигателей войны, — оплот мира во всем мире, надежда всего передового прогрессивного человечества. Единство рабочего класса во всем мире, сплочение народных масс в едином фронте борьбы с фашизмом и империалистической войной — вот средство предотвращения фашистского варварства и ужасов войны. За это единство рабочих, за расширение и укрепление народного фронта против фашизма и войны борется Коммунистический Интернационал, преодолевая сопротивление и саботаж реакционных лидеров II и Амстердамского интернационалов, громя троцкистских провокаторов и лазутчиков буржуазии.

Растут и крепнут силы народного антифашистского фронта. Героическая борьба испанского народа, отражающего атаки об'единенных фашистских полчищ Германии, Италии и мятежных генералов, вдохновляет всех антифашистов мира. Эта борьба, вместе с успехами народного фронта, преградившего дорогу фашизму во Франции, вместе с фактами под'ема движения за единый антияпонский национальный фронт в Китае, свидетельствует о том, что фашизм терпит поражение везде, где встречает отпор единого народного фронта. Вместе с рабочим классом и трудящимися массами в рядах народного антифашистского фронта борются и лучшие представители зарубежной интеллигенции, мастера культуры и искусства. Международный конгресс писателей, заседавший под грохот фашистских пушек в Мадриде, ярко продемонстрировал готовность передовых людей культуры бороться с фашистским варварством и империалистической войной.

Растет и крепнет мощь великой социалистической державы, к которой обращены с надеждой взоры всех друзей мира. Могучая Красная Армия, очистившая свои ряды от презренной кучки фашистских шпионов тухачевских, Армия, поддерживаемая всем советским народом, всей мощью социалистического хозяйства, готова во всеоружии встретить и победно отразить фашистского врага. Народ героев, взрастивший Чкалова и Громова, воспитавший миллионы советских патриотов, преданных родине до последней капли крови, воздвиг на шестой части земного шара крепость социализма, твердыню социалистической демократии. Каждым новым успехом социалистического строя, каждой новой победой большевиков мы наносим удары мировому фашизму, зовем трудящихся всего мира на бой, указываем им пути освобождения.

Могуч и непобедим советский народ, сплоченный вокруг великой коммунистической партии, руководимый гением Сталина. Он опрокинет и раздавит каждого, кто посмеет на него напасть.

Фашизм — свирепая, но непрочная власть. Исторически он обречен на поражение и гибель. Но борьба с ним требует напряжения всех сил прогрессивного человечества. В этой борьбе антифашистской художественной литературе суждено сыграть большую и почетную роль. Потоку шовинистической, человеконенавистнической лживой литературы фашизма, пропагандирующей империалистическую войну, антифашистская литература противопоставляет слово подлинной человеческой правды, полное презрения и ненависти к фашизму, призыв к борьбе с ним, проповедь единства народных масс в этой борьбе.

Советская литература создает произведения, отражающие социалистическую действительность, воспевающие победы нового строя, расцвет всех душевных и физических сил людей социализма. Она — антисобственническая, антикапиталистическая литература и поэтому так велико ее международное значение в деле борьбы с фашизмом. Но советские литераторы должны всегда помнить и о задаче создания таких произведений, которые разоблачали бы подготовку фашизмом новой империалистической войны, воспитывали бы в миллионах читателей в нашей стране и за ее рубежами любовь к Красной Армии — оплоту мира, вооруженному отряду социалистической революции, — готовность помогать ей всеми силами и средствами.

Советская литература должна воспитывать в миллионах молодых читателей чувство патриотизма, преданности социалистической родине и ее великому вождю. Она должна нести в народ героические традиции гражданской войны, воспевать вождей и героев исторической борьбы трудящихся с белогвардейцами и интервентами. Она должна показать всему миру замечательное лицо бойца и командира современной Красной Армии, заниматься проблемами будущей войны с фашистскими насильниками.

К сожалению, мы не можем похвастаться большими успехами в области оборонной литературы. Таких книг, как «Железный поток», «Разгром», «Чапаев», «На Востоке», таких фильмов, как «Чапаев» и «Мы из Кронштадта», у нас еще очень мало.

Союз писателей не делает всего, что необходимо для мобилизации писателей на разработку оборонной тематики.

Не ведут этой работы издательства и редакции журналов, в частности, за последний год ослабил свою мобилизационную энергию специальный оборонный журнал «Знамя». В таком состоянии оборонного фронта литературы сказываются и последствия пресловутой «установки», пущенной фашистским шпионом Эйдеманом, о том, что «нет специальной оборонной литературы».

Необходимо полностью восстановить и широко поставить оборонную работу правления ССП, возобновить деятельность кружков, курсов и консультаций, имеющих задачу привлечь писателей к оборонной теме. Надо организовать связи писателей с Красной Армией, изучение ими истории гражданской войны, материалов о современной войне.

Советские писатели должны создать и создадут книги-снаряды, которые будут бить по фашизму и империалистической войне.

Они создадут книги, помогающие победам мирового антифашистского фронта, победам советского народа и Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

Плакат **Н. Аввакумова** и **Б. Пророкова**, выпускаемый на-днях Изогизом.

ПРИЕМ В ЧЕСТЬ ДЕЛЕГАТОВ XVII МЕЖДУНАРОДНОГО ГЕОЛОГИЧЕСКОГО КОНГРЕССА В БОЛЬШОМ КРЕМЛЕВСКОМ ДВОРЦЕ

28 июля председатель Совета Народных Комиссаров Союза ССР товарищ В. М. Молотов устроил в Большом Кремлевском Дворце прием в честь делегатов XVII Международного геологического конгресса. На приеме присутствовали члены правительства, советские и иностранные делегаты конгресса, а также ученые, представители советской общественности и печати — всего около 1.000 человек.

Бурной, продолжительной овацией собравшиеся встретили появление в зале товарищей В. М. Молотова, В. Я. Чубаря, А. И. Микояна и В. И. Межлаука.

За столом президиума занимают места также тт. М. М. Литвинов, М. Л. Рухимович, маршалы Советского Союза А. И. Егоров и С. М. Буденный, тт. Н. А. Булганин, К. Я. Бауман, президент Академии наук СССР акад. В. Л. Комаров, президент конгресса акад. И. М. Губкин, председатель делегации СССР, вице-президент конгресса акад. В. А. Обручев, председатель американской делегации, вице-президент конгресса Филипп С. Смит, председатель английской делегации, вице-президент конгресса проф. Э. Б. Бейли, председатель французской делегации, вице-президент конгресса академик Шарль Жакоб.

Председатель Совета Народных Комиссаров Союза ССР тов. В. М. Молотов обратился к делегатам со следующей речью.

Речь тов. В. М. Молотова

Уважаемые делегаты!

Прежде всего разрешите передать вам, по поручению Председателя Центрального Исполнительного Комитета СССР тов. Калинина, благодарность за его избрание почетным председателем XVII Международного Геологического Конгресса. **(Бурные аплодисменты).**

Правительство Советского Союза выражает свое удовлетворение успешным ходом работ Конгресса, на котором присутствуют делегации ученых-геологов столь многих государств.

Правительство и широкие массы трудящихся советской страны высоко ценят ваши труды в области науки и геологию, как великую науку, особенно тесно связанную с жизненными интересами народа.

В наших условиях, в стране социализма, где недра земли принадлежат самому народу, а не богачам-капиталистам, неисчислимые богатства земли познаются работниками науки в интересах трудящихся и полностью находятся в их распоряжении.

Понятно, что к работам вашего конгресса был живой интерес в широких слоях трудящихся нашей страны. Поэтому же в нашей стране созданы благоприятные условия для развития наук, в частности для развития такой науки, как геология. И могу вас заверить, что в дальнейшем эти условия для развития геологии в Советском Союзе будут еще более благоприятны. **(Шумные аплодисменты).**

Мы уверены в том, что это в свою очередь не мало послужит интересам развития мировой науки и всему человечеству.

Ученые геологи нашей страны не с сегодняшнего дня идут в рядах выдающихся деятелей науки, выдающихся деятелей геологии. Но надо помнить о том, что их задачи быстро растут и расширяются.

Мы знаем, как развернулись возможности и практические результаты использования таких богатств земли, как уголь, нефть, медь, золото и другие ценнейшие ископаемые. Но это только начало дела. И мы надеемся на то, что ученые геологи нашей страны и дальше будут итти в ногу с передовыми и выдающимися силами мировой геологии и с честью выполнят свою задачу перед народом, перед своей родиной.

Вам, делегатам Геологического Конгресса, вероятно, особенно понятно значение фактора времени в крупных делах. Вы знаете это хорошо по своей работе в области геологии и в области использования недр земли. Вы, должно быть, согласитесь, что и в жизни народов десятилетие составляет лишь небольшую долю. Новый строй, созданный в нашей стране всего два десятка лет тому назад, совсем еще молод и, могу вас заверить, полон энергии, жизнерадостности и уверенности в своих силах. **(Аплодисменты).**

Главное, что мы выковали за эти два десятка лет, это имеющаяся у нас в широких массах народа, в массах трудящихся, глубочайшая уверенность в том, что большевистский путь, по которому мы идем под знаменем партии Ленина — Сталина, — это верный и единственно отвечающий интересам народа путь. **(Горячие аплодисменты. Все встают).**

Советский Союз сделал не мало для того, чтобы поднять свое народное хозяйство, чтобы дать простор развитию культуры советских народов, чтобы поднять благосостояние трудящихся города и деревни. Нашей главной опорой в стране, освобожденной от эксплоатации человека человеком, были: честный труд в общественном хозяйстве, хорошая организация работы снизу доверху, развитие науки и под'ем культуры масс.

Мы прошли через серьезные испытания, но теперь твердо знаем, что главные трудности организации нашей внутренней жизни уже нами пройдены, уже остались позади. И у нас, в народах Советского Союза, существует крепкая уверенность в том, что завоеванное и записанное в Сталинской Конституции мы защитим, от кого угодно отстоим. **(Бурные аплодисменты).**

Вместе с тем Советский Союз занял выдающееся место в деле защиты интересов мира между народами, стал вернейшей опорой интересов трудящихся всех стран в их стремлении к миру и к отпору всем и всяким пособникам фашизма и фашистским агрессорам, готовящим развязку новых войн.

Мы уверены в том, что настоящий Международный Конгресс в красной Москве сыграет свою положительную роль непосредственно в деле обеспечения дальнейших успехов геологии и под'ема инициативы научных работников и вместе с тем сыграет свою роль в деле укрепления братских отношений между народами, что отвечает важнейшим интересам народных масс всех стран.

Разрешите поднять тост в честь XVII Международного Конгресса Геологов, за здоровье его делегатов и всех честных работников науки. **(Бурные аплодисменты).**

Выступления делегатов конгресса

С ответными речами выступили председатель американской делегации Филипп С. Смит, председатель советской делегации акад. В. А. Обручев, госпожа Ф. Моррис, президент конгресса акад. И. М. Губкин, председатель испанской делегации Ройо И Гомец.

Председатель американской делегации Филипп С. Смит говорил о том, что он и его коллеги приобрели на конгрессе увеличенный кругозор и что они увозят с собой чувство глубокой симпатии и дружбы и думают, что будут и впредь работать на благо всего человечества.

Акад. В. А. Обручев указал, что царская Россия по богатству ископаемых занимала одно из последних мест, а в настоящее время у нас очень мало неизведанных площадей, и Советский Союз занял по запасам основных ископаемых первые и вторые места в мировой экономике.

От лица советских геологов академик Обручев приносит искреннюю и глубокую благодарность Советскому правительству, заботы которого обеспечили расцвет геологической науки в СССР.

— Я поднимаю свой бокал, — сказал В. А. Обручев, заканчивая речь, — за здоровье дорогого и любимого вождя Иосифа Виссарионовича Сталина! **(Весь зал встает, собравшиеся устраивают бурную продолжительную овацию в честь товарища Сталина. Крики «ура!»).**

Положения акад. Обручева иллюстрировал красноречивыми цифрами акад. И. М. Губкин. До революции запасы железа в царской России исчислялись в два миллиарда тонн. Теперь запасы высоких категорий исчисляются в **10** миллиардов тонн, а при учете запасов курской магнитной аномалии эта цифра повышается до **200** миллиардов тонн. Это составляет свыше 50 процентов мировых богатств железа.

Приведя данные об огромных запасах угля и нефти в нашей стране, академик Губкин указывает, что по запасам нефти СССР стоит на первом месте в мире.

Всеми этими огромными достижениями мы обязаны мудрому советскому правительству, руководству великой коммунистической партии.

Заключительные слова т. Губкина «За наше мудрое правительство, за Вячеслава Михайловича Молотова и Михаила Ивановича Калинина», — зал встречает бурной овацией; все стоя приветствуют руководителей правительства Советского Союза.

От имени жен иностранных делегатов выступила г-жа Ф. Моррис, провозгласившая тост за советских женщин.

Горячей овацией, стоя, приветствовал зал выступление председателя испанской делегации на конгрессе проф. Ройо И Гомеца.

— Мы видели здесь, — закончил свою речь профессор Ройо И Гомец, — полное выражение того, о чем говорил великий товарищ Сталин **(овация всего зала)** в своем приветствии испанскому народу, что «освобождение Испании от гнета фашистских реакционеров не есть частное дело испанцев, а — общее дело всего передового и прогрессивного человечества».

По приглашению руководителей советского правительства глава испанской делегации под бурные аплодисменты всего зала занял место в президиуме.

Американские друзья СССР

Беседа с Альбертом Рис Вильямс

Известный американский писатель-публицист Альберт Рис Вильямс впервые приехал в СССР в 1917 году, в первые дни Великой пролетарской революции. Пробыв здесь некоторое время, он возвратился в Америку и вскоре выпустил свою первую книгу о Советском Союзе.

С той поры симпатии американского публициста к нашей стране продолжают крепнуть. Прожив у нас 6 лет — с 1922 по 1928 год, — он публикует по возвращении в Америку статьи, брошюры и книги о СССР.

Но особенный интерес представляет его новая, изданная в этом году книга «Советы», получившая уже свыше 200 отзывов в английской и американской печати.

Критики констатируют в своих статьях, что книга Вильямса — самая исчерпывающая из выпущенных в Америке книг об СССР.

Помимо отзывов в печати, мы имеем еще одно яркое доказательство успеха этой книги, успеха, в первую очередь свидетельствующего о громадном интересе к Советскому Союзу: труд Рис Вильямса, вышедший в текущем году, выпускается уже третьим изданием в Америке и скоро выйдет на французском, немецком и китайском языках.

В настоящее время Рис Вильямс снова находится в Москве. Он приехал сюда для дальнейшего ознакомления с жизнью нашей страны, с достижениями во всех областях социалистического строительства.

— Я люблю наблюдать и изучать вашу жизнь, — говорит писатель в беседе с нашим сотрудником. — Посмотрите, какой красивый и живой пейзаж.

Он подходит к огромному трехстворчатому окну своей комнаты в Новомосковской гостинице. В правую створку окна видна зеркальная поверхность широкой Москва-реки, катящей свои спокойные воды меж гранитных берегов набережной. В левой створке — частокол строительных лесов, землечерпалка, подвесная тележка — «тролей», беспрестанно подвозящая туда и сюда по подвесным путям строительные материалы. Кипит работа. Один из многочисленных застраивающихся уголков Москвы.

— Мне больше нравится вид в левую створку, — говорит Рис Вильямс. — Я предпочитаю спокойствию — динамику созидания. Мне приятно видеть Москву в неутомимом движении к новым достижениям индустрии, промышленности, культуры. Я вижу эти достижения повсюду.

Как только я переехал границу вашей страны, я попал на парад физкультурников в Ленинграде. Мне приходилось уже присутствовать на одном из ваших физкультурных парадов, и я описал его в своей книге «Советы». Увы, мое описание несравненно бледнее того прекрасного зрелища, которое я увидел теперь. Порядок, дисциплина, бесперебойная смена спортивных номеров, гармоническая красота этого грандиозного парада здоровья, силы и бодрости поразили меня.

Впрочем, — продолжает писатель, — не всегда нужно находится в Советском Союзе, чтобы наблюдать за его достижениями. Блестящий, исторический пример ваших новых побед я увидел в последние дни моего пребывания в Америке. Я был свидетелем исключительного напряжения, в котором находились американцы в продолжение нескольких часов, предшествовавших прилету замечательных Героев Советской страны — Чкалова, Байдукова и Белякова. По радио ежечасно передавались сообщения о ходе исторического перелета, местонахождении самолета, состоянии команды. Подвижные американцы изменили своей деловитости. Многие из них не спешили уже по своим делам, не желая удаляться от радио, боясь пропустить очередное сообщение. Это было подлинное волнение за исход научного предприятия, искренняя тревога за судьбу бесстрашных людей, взявшихся осуществить этот опыт, воплотить в жизнь чаяния многих своих предшественников. Напряжение нашло естественную разрядку в восторге и энтузиазме, с которым американцы встретили утомленных, но счастливых победителей.

Альберт Рис Вильямс рассказывает нам о прошедшем в июне втором национальном конгрессе американских писателей в Нью-Йорке.

Конгресс прошел под знаком защиты культуры против фашизма, под знаком демократического об'единения в единый фронт писателей различных воззрений. Основная масса участников конгресса принадлежала к Лиге американских писателей — организации, сформированной на первом американском писательском конгрессе два года назад. В конгрессе приняли участие 358 делегатов, из которых 86 с'ехались в Нью-Йорк из различных уголков Америки.

Конечно, центральное место в речах ораторов было уделено гражданской войне в Испании.

Но наиболее значительным из всех выступлений было выступление Эрнста Хемингуэя, представлявшего в Испании большую группу американских литераторов. С трибуны конгресса Хемингуэй рассказал о том, что он в продолжение многих недель видел на фронтах в Испании; он принес с собой опыт писателя и гражданина, побывавшего на передовой линии фронта борьбы за независимость — против фашизма.

Большой интерес представило также выступление генерального секретаря коммунистической партии Америки т. Эрл Броудера.

Рис Вильямс выступил на национальном конгрессе американских писателей со специальным докладом о Советском Союзе, который был выслушан с глубоким интересом. Присутствовавшая на конгрессе кучка писателей-троцкистов пыталась взять в штыки доклад Вильямса. Но их нападки и вылазки были смехотворно беспомощны. Выступившие в прениях писатели дали сокрушительный отпор троцкистам.

Рис Вильямс рассказал нам о творческих планах и умонастроениях некоторых американских писателей, особо остановившись на работе Эптона Синклера, опубликовавшего недавно свой новый роман «Но пасаран», который вышел у нас на русском языке в издании «Всемирная библиотека» Жургазоб'единения. (Отрывок из романа был напечатан в № 23 «Литературной газеты»).

Синклер пишет теперь роман о новом профессиональном движении в Америке.

Е. КОСТРОВА

Она умерла, как боец

Памяти Берты Таро

Берта Таро умерла на фронте.

Она была репортером парижской газеты «Се Суар». Она была первой женщиной-репортером, которая умерла на войне. Берта Таро была немкой. Когда Гитлер заключил в тюрьму всех тех, которые искали свободы и справедливости для германского народа, ее посадили в тюрьму. Но ей удалось убежать, и с тех пор она жила во Франции, работая фотографом. Там она добилась больших успехов своими выставками.

Когда началась испанская война, ненависть к фашизму привела ее в нашу среду. Она прибыла в самом начале борьбы. Ее светлое лицо озарялось огнем боя. Треножник от фотоаппарата она носила на плече, как солдат носит ружье. Когда мы вернулись из Лагранха, ее треножник оказался простреленным, но она была единственным фоторепортером, заснявшим взятие Кабеса Гранде.

Когда началось наше последнее наступление, Берта опять бросилась на поле сражения. Один из солдат Листера мне сказал: «Она была первой женщиной, которая вошла в деревню Брунете вместе с войсками». Этот солдат плакал, как плакали все те, кто узнал о гибели Берты. Ей вручили испанский республиканский флаг, и она умерла под этим знаменем. Красное знамя защиты культуры покрывало ее гроб.

Она умерла на посту, как боец. Ее имя должно стать примером для всех женщин, которые борются за дело справедливости и свободы.

МАРИЯ ТЕРЕСА ЛЕОН.

Передано по радиотелефону для редакции «Последних известий по радио».

«День железнодорожника»

Сегодня в Центральном парке культуры и отдыха им. Горького — **большое народное гулянье, посвященное Всесоюзному дню железнодорожного транспорта Союза ССР.**

Торжественное собрание состоится в Зеленом театре. На других площадках и эстрадах парка выступят лучшие артисты Москвы, самодеятельные кружки железнодорожников, писатели и поэты. Вечером на набережной состоится большой бал.

На эстрадах детского городка выступят премированные участники детского конкурса чтецов. Они прочтут стихотворения Пушкина, Маяковского, детских писателей и свои собственные.

В юношеском литературном клубе — встреча с детскими писателями.

На пионерском «костре», в цирке «Шапито», выступят поэты В. Луговской и А. Сурков, орденоносцы-железнодорожники, знатные люди железнодорожного транспорта.

★

На площадке симфонической эстрады железнодорожники встретятся с героическим экипажем самолета «АНТ-25» — Героями Советского Союза тт. Чкаловым, Байдуковым и Беляковым, которые расскажут о своем замечательном перелете Москва — Северный полюс — США.

СНИЖЕНИЕ ЦЕН НА КНИГИ

В связи с опубликованием постановления СНК РСФСР о снижении цен на многотиражные издания Огиза в среднем на 15 процентов, нашему сотруднику сообщили в Огизе:

— Снижение цен будет произведено на все выходящие после 1 августа с. г. массовые издания Огиза. Издания, поступившие в книжные магазины до 1 августа, будут продаваться и впредь по цене, проставленной на книгах.

Благодаря снижению цен на учебники для начальной, средней и высшей школы, на наглядные пособия и географические карты, на словари, социально-экономическую и антирелигиозную литературу, на календари, плакаты, альбомы и другие массовые издания Огиза, **у населения РСФСР останется в 1937 году на руках около 13 миллионов рублей.**

По словам и. о. заведующего Огизом т. С. Г. Брона, при руководстве Огизом врага народа Томского бумага хищнически истреблялась, а книги задерживались в производстве. Все это удорожало себестоимость изданий.

Теперь введена жесткая экономия бумаги, а сроки производства книг сокращены в среднем на **30** процентов. Созданы условия, обеспечивающие успешное проведение в жизнь решения правительства об удешевлении многотиражной книги.

Совнарком РСФСР предложил Огизу **представить к 1 декабря доклад о дальнейшем снижении цен на все остальные издания.**

В. ЛУГОВСКОЙ

Комиссар Усов

(Из поэмы)

Журавли несутся над Союзом:
Слышу трубы отгремевших битв.
Комиссар Иван Степаныч Усов
У кронштадтской стенки был убит.

Он упал в холщевом балахоне
Под кронштадтской крепостной
стеной,
Разжимая жесткие ладони,
Удивляясь тяжести земной.

И его засыпали в могиле
На краю отеческой земли,
И над ним высоко протрубили
Северные наши журавли.

И теперь уж не отыщешь места
Где зарыт кумир курсантских рот,
Делегат десятого партс'езда,
Выходивший на кровавый лед.

Но всегда, когда придет невзгода
Слышу я тебя,
мой комиссар,
Ярославец,
волжская порода,
Рыжеусый старый кочегар.
Слышу я тебя.
Темна могила,
Но гудя, как колокол, на дне.
Вековечная, земная сила
Глухо поднимается во мне.

Вместе голодали,
вместе жили
На смоленских курсах, в закутке
И январской ночью выходили
К молчаливой, ледяной реке.

Звезды напряженные горели,
Страшная стояла тишина.
На великой снеговой постели
Только тень следов была видна.
И сказал однажды он:
«Прямая
Для меня дорога залегла.
С юности я в жизни уважаю
Правильные мысли и дела.

Горе горькое хватил ковшами,
Страх изведал, муку перенес
На Оке, на Волге и на Каме
Я скитался, молодой матрос.

Схоронил жену —
остались дети,
Сыновей волжанки сберегли.
Горького я видел на рассвете.
Он курил, смотрел на Жигули.

Родина, сторонка дорогая —
До чего ж ты, Волга, хороша!
Белой чайкой, крыльями сверкая,
Над тобой летит моя душа.

Капитану я тогда потрафил,
Надрывался из последних сил,
Я шрифты подпольных типографий
В Нижний
из Самары
провозил.

Уголь шуровал, гулял немало,
В кандалах ходил — сбежал едва.
А меня Россия поднимала
Так, что закружилась голова.

И война снесла меня далеко
В наш Балтийский знаменитый флот,
И январской ночью я до срока
К Зимнему привел рабочий взвод.

И с тогдашних пор
в огне и дыме
В гулевой пурге, в степной пыли
Я кидался с вами, молодыми,
На четыре стороны земли.
Видела земля крутые годы:
Были войны,
гибли города,
Но такого сильного народа
Не было на свете никогда.

Он какие переведал беды,
Правду сеял
и выходит жать.
От победы он пойдет к победе
И ничем его не удержать».

Полностью поэма будет напечатана в журнале «Знамя».

А. МАКАРЕНКО

Сила советского гуманизма

Величественные пространства СССР окружены мраком фашистской злобы и первыми вспышками войны.

Новое истребление человечества среди бела дня открыто готовится вокруг нас.

Невиданное в истории мира совершилось: после многих десятилетий классовой борьбы, в конце кровавых путей раздробления, эксплоатации и войны вырос на равнинах некогда нищей и отсталой России сияющий великий социализм. Он создан героической борьбой замечательного поколения людей, гением их руководителей Ленина и Сталина.

С каждым новым днем он все выше и выше вздымает к небу дворцы нового человеческого счастья, он поражает мир величавым спокойствием нового человеческого достоинства, новой культуры, нового искусства.

Советская литература — художественное отражение мысли этого нового человечества.

Жизнь Советского Союза, каждое его деяние есть дело всего человечества, это дело в самых своих корнях насыщено глубочайшей уверенностью в своей правоте, это дело освобождения, дело гуманизма.

И одна из величайших и прекрасных особенностей советской литературы — постоянное неизсякаемое звучание гуманизма, пленительная красота лучших человеческих стремлений, о которых на протяжении всей истории мечтали самые совершенные люди.

В 1916 году, в самое мрачное время мировой бойни Маяковский сказал:

И он
свободный,
ору о ком я,
человек —
придет он,
верьте мне,
верьте!

И он пришел — человек!

Гуманизм нашей литературы, развернувшийся перед всем миром в эпоху последних катастрофических схваток, когда-нибудь будет признан одним из самых поразительных явлений революции. В чем сила, в чем уверенность нашей великой гуманистической проповеди?

Мы окружены буйным безумием агонизирующего империализма. Где-то там, в чащах дымящих труб Рура, на нищих полях Италии, в «злыднях» польской подхалимной государственности, в тесноте японских ограбленных городов последние капиталисты истории жаждут войны. Они протягивают жадные руки во все стороны к железу, к углю, к машинам, к нефти, к хлебу.

В смертельном отчаянии конца каждый фашистский лагерь бредит о завоевании мира. И Гитлер, и Муссолини, и японские генералишки — порождение этого общего бреда.

Против этой мировой шайки сумасшедших мы подняли и высоко держим наши гуманистические знамена.

В этом лишний раз сказывается наше историческое здоровье — здоровье побеждающего молодого социализма.

Присмотримся только к одной нашей литературной теме, к той теме, в которой особенно разительно нарисована пропасть между нами и ими.

В советской литературе на страницах очень многих романов, повестей и рассказов проходит тема строительства и индустриализации. Заводские цеха, вот те самые громады, те самые машины, краны, экскаваторы, которые на Западе встают в воображении писателя, как символы подавления и истощения человечества, как представители жадного, бесчувственного и беспринципного Молоха, — у нас возносятся, как храмы, овеянные радостной симпатией нового человека. Там от них рождается захватническая жадность, расползающаяся вширь энергия эксплоататоров, у нас от них родится только энергия побед над природой, возносящаяся вверх энергия общечеловеческого богатства. Там между машинами бродит закованный в нормы квалифицированный раб, у нас над ними стоит свободный хозяин — человек. И так естественно: там машины и богатство родят войну, у нас от них исходит мысль о едином счастливом человечестве — социалистический гуманизм.

Гуманизм нашей литературы не заключен в скобки формальных пожеланий, он не литературная поза, он заключен в самых наших темах, в самом тоне писателя, в его социалистическом самочувствии. Социалистический реализм может с полным правом быть назван гуманистическим реализмом, ибо наш реализм построен на оптимистической убежденности, на мажоре всей нашей жизни и на предвидении освобождения человечества.

И поэтому наш гуманизм читается в каждой нашей строчке и дополнительно между всеми строчками. О чем бы ни рассказывала наша литература, о «дне втором» нашего строительства, о будущей войне «на Востоке», об одноэтажной Америке, о жизни бергельсоновских пионеров, о перевоспитании беспризорных, о любви, о ревности, о завоевании Северного полюса и о детстве Пушкина, — с каждой страницы смотрит на читателя лицо свободного человечества, будущее лицо мира. И это лицо и его уверенная радость могущественнее и убедительнее оскаленных зубов фашизма! Знамя гуманизма это — знамя не благостной мечты, это — знамя непобедимой силы.

И поэтому в нашем гуманизме совершенно не присутствует мысль о примирении, — он не пахнет бездеятельным словесным пацифизмом.

И если вспыхнет война, наш гражданин и гражданин мира под знаменем гуманизма спокойно свернет шею любой фашистской гадине, под каким бы национальным флагом она ни бросилась на СССР. И эта победа будет самой гуманистической победой в истории. Она будет той победой, о которой мечтал Гейне:

В драке со скотами буду
Драться я за человека,
За исконное, святое
Человеческое право!

Песни о родине

Песня, хорошая бодрая песня — верная и неразлучная спутница красноармейца. С нею приходит он в ряды Красной Армии, с нею совершает далекие походы, с нею же, когда это будет нужно, пойдет в бой громить врага.

Но бойцы не только исполняют песни, написанные советскими поэтами, они творят их сами. Побывайте в пехотной части, артиллерийском дивизионе или кавалерийском эскадроне — вы там услышите не одну песню, сложенную самими красноармейцами.

Богата и разнообразна тематика этих песен. Вся сложная и кипучая жизнь Красной Армии красочно отражена в них. Но особенной любовью бойцов пользуются произведения о родине, о веселой зажиточной жизни ее народа, о боевой готовности Красной Армии защитить ее границы и в любую минуту, в любом месте кратко и решительно «ответить ударом на удар поджигателей войны».

Рабоче-Крестьянская Красная Армия «всегда готова отразить врага, откуда бы он ни появился. Как и раньше, Рабоче-Крестьянская Красная Армия готова бить врага там, откуда он осмелится двинуть свои полчища на нашу Родину. Мы склонны думать, что как бы наши классовые враги ни бахвалились, смелости у них не особенно много, чтобы дерзнуть напасть на нашу страну. Но если тем не менее «господь бог» их накажет, отнимет у них разум и они все-таки дерзнут, — они будут очень и очень плакаться и раскаиваться в своей наглости», — сказал в своей речи на параде на Красной площади 7 ноября 1936 года маршал Советского Союза, нарком обороны товарищ Ворошилов.

Эти слова — лейтмотив красноармейских песен, где бы они ни были сложены, где бы они ни распевались — на Кавказе ли, в Сибири ли, на Украине.

Хорошо теперь живем.
Наши хаты и амбары
Переполнены зерном.
Сыты ходят наши кони
По колхозным по полям.
Если надо — в бой готовы,
Лишь махни рукою нам.

Так поют терские казаки.

С песней терцев перекликается «Походная» донских казаков:

Пусть сбирается гроза,
Грянет гром из тучи, —
Лезть в советский огород
Мы врага отучим.

Товарищ Сталин в своем выступлении на XVII партийном с'езде заявил:

«Кто хочет мира и добивается деловых связей с нами, тот всегда найдет у нас поддержку. А те, которые попытаются напасть на нашу страну, получат сокрушительный отпор, чтобы впредь не повадно было им совать свое свиное рыло в наш советский огород».

Это грозное предупреждение вождя стало темой многих песен и частушек.

Вот одна из них, записанная в Куйбышевском крае:

Кто свиное рыло сунет
В наш советский огород, —
Отобьем охоту сразу,
Пусть он рыло не сует.

Песня и частушка — наиболее распространенная, но далеко не единственная форма красноармейского фольклора.

Большим успехом среди бойцов пользуются пословицы, поговорки.

Так же, как и в песенных произведениях, в них говорится о силе Красной Армии, о ее мощи, непобедимости.

«Земля наибогатейшая! Красная Армия — наисильнейшая!».

«Не доведется свинье на небо дивиться, а Гитлеру в нашем огороде рыться».

Красноармейские песни, частушки, сказания — замечательнейшее явление нашей социалистической действительности.

Они ярко иллюстрируют известные слова товарища Ворошилова:

«Красная Армия есть плоть от плоти и кость от кости великого советского народа. Защищая мирный труд советского народа, она представляет собой самый народ, выражает его волю, его чаяния, его надежды, его упорную борьбу за новые социалистические достижения, за мир во всем мире».

И крепко приходится пожалеть, что наши фольклористы уделяют так мало внимания собиранию и изучению красноармейского фольклора.

Составленный В. М. Сидельниковым сборник «Красноармейский фольклор» — первая ласточка в этой области.

В сборнике, кроме устных поэтических произведений, сложенных красноармейцами в последние годы, собрано большое количество партизанских песен, сказаний, былин и легенд из эпохи гражданской войны.

В. АНОВ.

На страже границ Советского Союза. Пограничник т. Лохоня за полтора года своей службы задержал трех шпионов. На снимке: тов **Лохоня** в секрете. (Союзфото).

Геннадий ФИШ

На что они рассчитывают?

Темной звездной ночью мы едем по степи — от одного комбайна к другому. Разбросанные на необозримых пространствах, они сейчас работают и ночью, огнями своими издали напоминая дальние железнодорожные поселки.

А далеко справа мельтешит огоньками Николаев...

С этого же места в 1918 году я видел зарево пламени. Николаев жгли немцы, наказывая рабочих за восстание. По этой дороге немецкие грузовики везли солдат на яростно обороняющийся Херсон. Едва ли это были не первые грузовики в степях Одесщины. По этой же дороге бежали от советского народа, бросая награбленное добро, грузовики, оружие, амуницию, войска немецкой интервенции.

Теперь даже ночные дороги в степях полнятся рокотом близких и дальних моторов ХТЗ и «челябинцев», и комбайнов «сталинцев» и «коммунаров», и легковых «газов», и подымающих клубы пыли тяжелых грузовиков...

Мы проезжаем от комбайна к комбайну.

Фрося Соломонова, лучшая комбайнерка Украины, дающая сейчас рекордные выработки на «коммунаре», на мой вопрос — как она достигла таких результатов и были ли трудности, отвечает:

— Трудностей не было. Мы для этого учены!

Этот ответ поразил меня. В разгар снежной морозной зимы, в глухом лесу Московской области, я слышал точно такую же фразу, сказанную с той же убедительностью и искренностью красноармейцем-связистом.

Это было на третий день зимних учений Московского военного округа. Мы с полковым комиссаром, продрогшие, зашли в избушку—пункт связи в Медынском лесу. Три связиста-бойца всю ночь на двадцатиградусном морозе прокладывали провод. Проложили 10 километров. Большую часть провод проходил по лесу. Провод медный, обнаженный, поэтому ставили на шестах—нельзя было ему коснуться ни сучка, ни ветки. Под утро по лесу прошли быстроходные танки и в двух местах разорвали провод. Связисты (на пункте их работало трое) должны были быстро найти места повреждений и исправить их. Они это сделали.

Чтобы понять, что это за работа, надо представить темноту зимней ночи, заснеженный лес, двадцать градусов мороза и точность и быстроту действий связистов. Уверенно и спокойно красноармеец сказал:

— Трудностей не было. Мы для этого учены!

В этой же лесной деревушке мы встретили посредника — полковника У.

— У меня часа два назад произошел такой казус, какого не случалось ни разу в практике посредника!

— А что?

— Огромный скандал с красноармейцами. Я определил, что в результате происшедшей стычки целая рота выбыла из строя: половина убитыми и ранеными, а другая — пленными. Посмотрели бы вы, какой скандал учинили те красноармейцы, которых я определил пленными. Они волновались, требовали, умоляли переменить решение.

— Не позорьте нас! — говорили они. — Перерешите правильно!.. В бою будут раненые и убитые, но ручаемся — ни одного пленного не будет.

Мы не так учены...

— Пленными будут неприятели, но среди нас не будет... Перерешите, товарищ полковник!

— И что же?

Полковник, смущаясь и радуясь, пожал плечами:

— Первый раз за всю практику посредничества пришлось отменить решение...

На этих же зимних маневрах нам пришлось познакомиться с новым видом «симулянтов» в нашей армии.

Жаловался нам полковой врач одного из стрелковых полков.

— Представьте себе, за неделю перед выходом на учения несколько больных красноармейцев стали поправляться неожиданно быстрыми темпами. Казалось, настоящее торжество медицины! Но ребята были неопытными симулянтами. Я сам стал ставить градусники, проверять заявления больных. И что же? Оказалось, нет никакого торжества медицинской науки, просто красноармейцы хотели выписаться раньше срока из околотка.

— В чем дело, товарищи?

— А как же, другие пойдут и будут участвовать в учениях, получат зимний опыт, а мы здесь всю декаду без пользы проваляемся.

— И хоть жалко было ребят, пришлось оставить их в околотке.

Мысли мои перебросились к карельской колхознице. Ее чутье оказалось сильнее самой искусной маскировки шпиона. Он пришел в деревню в форме советского пограничника-командира. Он прекрасно разговаривал по-русски и по-карельски. И все-таки она узнала в нем шпиона, послала дочку-девочку за пограничниками, и его задержали. Шпиона больше всего поразило и удивило то, что его разгадала и раскрыла простая деревенская баба.

А дело об'ясняется просто: он ругался. Он был с нею груб.

— В Красной армии таких не бывает! — твердо знала она. С первого же грубого слова он стал ей подозрителен. А он-то наверно думал, что произвел впечатление большого начальника.

Обо всех этих нахлынувших на меня мыслях я ни слова не сказал директору МТС товарищу Онищенко, управлявшему в ту ночь автомобилем. Но думали мы наверное об одном, потому что вдруг, словно продолжая неоконченную мысль, он сказал мне:

— И на что они рассчитывают?

— Кто?

— Да эти, внешние сволочи и наши внутренние шпионы. Да ведь любой из этих комбайнеров и трактористов без лишнего слова пойдет в строй за нашу родину и уж назад не отступит! О чем они думают только!?

На другой день, дожидаясь очереди в колхозной парикмахерской, мы разговаривали о наших летчиках. Да о чем другом можно было говорить, когда быстрокрылый «АНТ-25», управляемый Громовым, шел над верхушкой мира, надо льдами Северного, как здесь говорят, Полночного полюса?

С кресла встала молодая девушка, знаменитая звеньевая, и так, ни к кому не обращаясь и обращаясь сразу ко всем, громко сказала:

— И на что они рассчитывают?

Все поняли, о ком и о чем она думает. В ее словах звучала могучая сила великого советского народа.

Одесщина.

Т. МОТЫЛЕВА

Тайна рождения войны

Лучшие писатели мира много сделали в борьбе против войны.

С разных политических позиций, разными художественными средствами, намеренно или невольно, все они помогают мобилизовать волю миллионов к борьбе за мир, показывая весь ужас, всю бесчеловечность империалистической бойни.

Но показ ужасов — еще далеко не все. В свое время Барбюс, лишив войну ее батального ореола, сделал революционное дело огромной важности. Но уже тогда Ленин видел значение романов Барбюса «Огонь» и «Свет» не столько в безжалостно-верных картинах отвратительных будней фронта, сколько в том, что в них «превращение совершенно невежественного, целиком подавленного идеями и предрассудками, обывателя и массовика в революционера именно под влиянием войны показано необычайно сильно, талантливо, правдиво».

Человек, стоящий в центре произведения, живой человек, изменяющийся под влиянием войны, делающий из нее революционные выводы, постепенно осознающий связь войны с капиталистической системой и необходимость борьбы и с тем, и с другим, — вот что отличает подлинно антивоенные, подлинно гуманистические произведения Барбюса и Людвига Ренна от пацифистских произведений типа знаменитого романа Ремарка, где человек — лишь пассивный страдающий об'ект и где после смерти героя, естественно, все остается «без перемен».

«Обыватель и массовик», герой романов Барбюса, превратился в сознательного борца именно под влиянием войны. Но как сделать, чтоб добиться такой же перемены в сознании миллионов обывателей и массовиков еще до того, как война началась? Как сделать, чтобы направить их энергию на предотвращение войны?

Двадцать или десять лет назад картины зверств и мерзостей войны могли сами по себе производить антивоенное действие. Но за последние годы демагогия поджигателей войны во много раз усложнилась.

«Может быть, самым главным средством привлечения масс к войне являются именно те софизмы, которыми буржуазная пресса оперирует» (Ленин). Фашистские обманных дел мастера теперь изобрели немало новых софизмов, оправдывающих войну, софизмов особенно хитрых, особенно ядовитых.

Для всех антифашистов и друзей мира, в том числе и для писателей, с каждым днем все большее значение приобретают указания, данные Лениным в 1922 году советской делегации на гаагском конгрессе мира:

«Надо об'яснить людям реальную обстановку того, как велика тайна, в которой война рождается...

Надо об'яснить людям со всей конкретностью еще и еще раз, как обстояло дело во время последней войны и почему оно не могло обстоять иначе.

Надо об'яснить, в особенности, значение того обстоятельства, что «защита отечества» становится неизбежным вопросом, который громадное большинство трудящихся будет неизбежно решать в пользу своей буржуазии».

Показать войну именно **так** — значит показать ее с максимальной реалистической глубиной. Вскрыть отвратительную сущность войны гораздо важнее, чем описать ее отвратительную поверхность. Раскрыть тайну рождения войны означает показать массам, **кому** выгодна война, **кем** она в действительности подготовляется; это означает — разрушить самый живучий софизм поджигателей войны.

Не случайно, что к этой проблеме первыми подошли крупнейшие писатели-гуманисты, лучшие наследники реалистической литературы XIX века—Ромен Роллан и Генрих Манн.

Опыт послевоенных лет, показавших всю лживость демагогических обещаний зачинщиков первой империалистической войны, показавших, что «пиратский мир» (Ромен Роллан) чреват новыми бойнями, дал им возможность глубоко проникнуть в суть социального механизма войн.

В первые послевоенные годы был написан роман Генриха Манна «Голова», он появился в 1925 году и на русский язык переведен лишь недавно [1].

Роман этот представлял и представляет весьма злободневный политический интерес. В нем развернута картина подготовки германского империализма к мировой войне. Владелец оружейных заводов Кнак и другие промышленные магнаты энергично, вопреки сопротивлению либерально настроенного рейхсканцлера, толкают страну к войне, преследуя при этом исключительно своекорыстные цели. Генрих Манн клеймит «тупую алчность промышленников», во имя прибыли заключающих тайные коммерческие соглашения с неприятелем.

«Что можно возразить, если и тяжелая индустрия по-своему стремится к международной солидарности?» — иронически спрашивает пацифист Терра рейхсканцлера Ланна.

На совещании промышленников и руководителей армии подстрекатели войны с циничной откровенностью говорят о своих целях:

«— Еще десять лет, и профессиональные союзы одолеют нас, нам тогда крышка. А потому — хватит церемоний, война! И поживее. Голод — вещь печальная, в эпидемиях также хорошего мало, но мы представляем слишком серьезные интересы, сантименты нам не к лицу...

— Действовать прямо и решительно, чего же гуманнее, — подтвердил Плоквурст. — Потом будем восстанавливать, тут-то и начнется наш расцвет.

... Задумчивая, добродушная физиономия произнесла:

— Кроме интересов, я помню еще о людях, кроме вас, господа, еще о нации.

— Мы все настроены националистически, — закричали те. — Строго националистически! — заревел председатель Плоквурст. Национальная вражда необходима, иначе откуда возьмутся дела?»

В то время, как Генрих Манн показал в «Голове», как готовилась первая мировая война, Ромен Роллан в 3-й части «Очарованной души» приоткрыл завесу, за которой делают свои темные дела хищники послевоенных лет, готовые вновь и вновь предать интересы своего народа ради прибыли, разжечь национальную вражду в целях личного обогащения. В этом томе дана колоритная фигура Тимона — крупного журналиста и дельца, авантюриста и циника, тесно связанного с международными тайными союзами финансовых магнатов и фабрикантов оружия.

Выходец из низов, Тимон, в силу своей плебейской проницательности, постепенно переходит на сторону той части французской буржуазии, которая из благоразумия и трезво понятой государственной выгоды склонна отказаться от военной авантюры и укрепить мирные торговые отношения с СССР, против которого в первую очередь направлены агрессивные замыслы. Торговцы смертью мстят Тимону за измену. Тимон погибает.

Рождение мировой войны — такова одна из тем и вышедших до сих пор частей трилогии Луи Арагона «Базельские колокола» и «Богатые кварталы», дающих широкую синтетическую картину предвоенной Франции.

Арагону чрезвычайно удались — удались даже, пожалуй, больше, чем положительные образы революционеров — фигуры крупных капиталистов, непосредственно заинтересованных в войне. Они надолго запоминаются, эти Виснеры и Кенели, твердо верящие в цивилизаторскую миссию капитализма, мечтающие завоевать новые богатые рынки, вплоть до далекого Китая, распоряжающиеся в какой-нибудь Сербии, как в собственном феодальном поместье, ворочающие миллионами и обкрадывающие шоферов парижских такси, снижая их заработок. По их указке действует парижская полиция, провоцируя анархистские беспорядки, чтоб сломить стачку шоферов; по их указке последний дегенеративный представитель угасающего монархического рода ездит за границу с дипломатическими поручениями третьей республики; по их указке великосветский шпик проникает на международный социалистический конгресс, выслеживая революционеров, подсчитывая шансы за и против революционного выступления масс в случае войны.

Эти герои Арагона — старшее поколение сегодняшних хозяев заводов и банков Франции, представители тех самых «двухсот семей», в борьбе против которых сплотился французский народный фронт; это — те самые, кто сегодня саботирует проведение 40-часовой рабочей недели, организует утечку золота из Франции и щедро финансирует Дорио.

Арагон показывает, что между повелителями капиталов и повелителями капиталистических армий существует необходимое разделение труда. Подобно тому, как в романе Г. Манна некая «добродушная физиономия» военного робко напоминает распоясавшимся буржуа об «интересах нации», и у Арагона генерал Дорш, связанный с Виснером и всей его компанией, свято сохраняет патриотический декорум. В то время как Виснер готов был бы ради прибыли хоть десять раз перепродать территорию Франции, Дорш твердо помнит о «верности отечеству», о «чести мундира». Но когда Дорш провозглашает тост: «пью за патриотизм», и ростовщик-авантюрист Брюнель, подручный Виснера, отвечает ему в тон: «пью за паразитизм» — между тем и другим нет принципиального противоречия. Для генерала Дорша уже приготовлено — на случай его отставки — доходное и не требующее трудов место в промышленности. Буржуазный патриот и буржуазный паразит не могут существовать один без другого.

Блестящая заключительная глава «Базельских колоколов» — иллюстрация той характеристики, которую Ленин дал Базельскому конгрессу II Интернационала. Указывая, как мало действительной ценности представляет теоретическое признание того, что война преступна, — Ленин называл Базельский манифест 1912 г. дешевой, хвастливой и совершенно пустой фразой. На Базельском конгрессе было сказано много хороших слов, ни на один день не отодвинувших войну.

Из описания этого конгресса в книге Арагона с очевидностью явствует, как бессильны были в своем отвлеченном пацифизме даже наиболее честные представители довоенной западноевропейской социал-демократии. Трогательной и немного жалкой выглядит фигура Жореса, которому суждено было два года спустя пасть от руки наемника империалистов, — прекраснодушного и наивного Жореса, который собственноручно выдает гостевой билет на конгресс ловко втершемуся в его доверие шпику!

Оба романа Арагона, будучи историческими по теме, особенно его «Базельские колокола», глубоко актуальны. В частности потому, что они помогают понять происки нынешних врагов французского народа, нынешних врагов человечества, желающих войны.

На примере Арнольда Цвейга можно видеть, как антифашистский писатель, обращаясь к старой и нестареющей военной теме, трактует ее по-новому. Арнольд Цвейг в своем новом, написанном в эмиграции, романе «Воспитание под Верденом» [2] показывает империалистическую войну не просто как цепь несправедливостей и насилий, а как войну хозяев Германии против собственного народа.

Сюжетным стержнем романа является дело унтер-офицера Кристофа Кройзинга. Молодой интеллигент Кройзинг — не пацифист, не интернационалист. Наоборот, он настроен патриотически, он отправился на войну добровольцем, веря, что будет воевать за благо своей страны. Он попытался разоблачить воровство офицеров, присваивающих себе довольствие солдат, вовсе не для того, чтоб подорвать дисциплину империалистической армии, а, напротив, сознавая, «как важно не попирать чувство справедливости в наших людях, какое значение это имеет для поддержания их духа». Но он тем самым пришел в конфликт со всей системой и поплатился жизнью за свою наивную честность.

Цвейгу ясно, что начальник Кройзинга, капитан Ниггль, откармливающийся за счет солдатских пайков, отнюдь не единичное явление. Капитан Ниггль, сознательно и хладнокровно посылающий на смерть Кройзинга, отражает в себе свойства тех, кто сознательно и хладнокровно посылает на смерть миллионы сынов германского народа. Разве лучше Ниггля «сам» кронпринц, развлекающийся и флиртующий в то время, как солдаты умирают? Вся беда в том, что народ «не имеет привычки прилагать масштаб действительности к речам правителей и требовать у них ответа за пролитую кровь и растраченные годы жизни...»

Так в романе Цвейга разрушается софизм империалистов о «единстве нации», о «гражданском мире» во имя «защиты отечества». Цвейг показывает, что господствующие классы сами бросают наглый вызов народу, об'являя и ведя гибельную для народа войну. И это делает его роман, действие которого происходит свыше 20 лет назад, боевым антифашистским произведением.

Фашизм — это война. Эта истина, с каждым днем все более очевидно подтверждающаяся кровавой практикой Германии, Италии, Японии, ясна всем прогрессивно настроенным писателям. Синклер Льюис в романе «У нас это невозможно» [3] — на тему о том, что могло бы быть, если бы фашизм победил в США, — дает остроумную характеристику провокаторских методов фашизма, изображая, к каким уловкам прибегают американские фашисты, чтобы оправдать в глазах населения свою агрессию в Мексике:

«Отряды мексиканцев переходили границу и проникали на территорию Соединенных Штатов, причем всегда, как это ни странно, в такие моменты, когда наши войска отходили в пустыню, на учение, или, быть может, собирали морские ракушки. Мексиканцы сожгли город в Тексасе. К счастью, женщины и дети отсутствовали, уехав в этот день на пикник с воскресной школой. Мексиканский патриот (до этого он фигурировал как абиссинский патриот, китайский патриот или даже патриот Гаити) перешел границу, подошел к палатке бригадира М. М. и сказал ему, что хотя ему очень неприятно доносить на собственный народ, но совесть заставляет его открыть, что мексиканские правители собираются совершить авионалет и сбросить бомбы на Ларедо, Сан-Антонио, Бизби, а может быть также на Такому и Бангор в штате Мэйн... Америка встала на защиту своих очагов, включая очаги обитателей Парка Авеню в Нью-Йорке, против лицемерной и предательской Мексики с ее страшной армией из 67 000 человек с 39 военными самолетами...».

★

Военная тема еще далеко не исчерпана. Проблемы войны глубоко волнуют всех передовых писателей, в том числе и тех, кто в настоящее время не занят непосредственно этой темой. Разве не тревога за судьбы мира, не ненависть к шовинистическому зверству фашистов заставляет, например, Фейхтвангера задумываться над проблемой «мирового гражданства»?

В борьбу за мир вовлекаются все более широкие круги западной интеллигенции. Несомненно, что в ближайшие годы мировая литература обогатится рядом новых произведений, которые глубокой реалистической трактовкой военной темы, беспощадным обличением действительных подстрекателей войны и сокрушительным опровержением их преступных демагогических софизмов помогут делу борьбы за мир, за спасение народов от кошмара новой мировой войны.

---

[1] Гослитиздат. 1937 г.

[2] Жургазоб'единение «Всемирная библиотека», 1937 г.

[3] Жургазоб'единение «Всемирная библиотека», 1937 г.

ВЕЛИК ИНТЕРЕС К СОВЕТСКОМУ СОЮЗУ

Едва ли какая-либо литература мира вызывает такой интерес у зарубежного читателя, как литература Страны Советов.

Кажется, нет ни одной значительной книги советского писателя, которая не была бы переведена на иностранные языки.

Роман Ю. Тынянова «Пушкин», недавно вышедший у нас, уже появился в Польше.

Надо ли говорить о том, что в крупнейших странах Европы и Америки давно известны произведения М. Шолохова, А. Толстого, Вс. Иванова, А. С. Новикова-Прибой, А. Фадеева, Ф. Панферова, Н. Островского, П. Павленко, А. С. Макаренко и других советских писателей.

«Цусима» А. Новикова-Прибой получила за границей особенно широкую известность. После появления этой книги на английском языке в Лондоне не было, кажется, газеты, не поместившей о ней рецензии, статьи или заметки.

«Цусиму» знают и о ней пишут не только в «Нью-Йорк Таймс», американском «Геральд трибюн», но и в китайском «Еженедельном обозрении», и в цейлонской «Дейли ньюс», и в сингапурской «Сэндей Таймс» и в газетах и журналах Австралии, Калькутты, Индии, Коломбо, Нью-Фаундленда, Сингапура, Бомбея, Новой Зеландии.

Чрезвычайно популярна за рубежом «Педагогическая поэма» А. Макаренко. Изданная лондонским издательством «Стэнли Нотт Лимитед», книга вызвала оживленные комментарии и отклики американской и английской печати.

О книге Н. Островского «Как закалялась сталь» большие статьи поместили чешские газеты «Руде право», «Чешске слово», пражские «Литературные новости», газеты и журналы Нью-Йорка, Лондона, Бостона, Нотингема, Йоркшира, Бирмингхема, Ливерпуля, Плимута, Сиднея и т. п.

«Бирмингхем Пост» пишет: «В лице недавно умершего Николая Островского СССР потерял писателя, который вполне мог стать наиболее удивительным носителем его идей. В своем романе «Как закалялась сталь» он рисует во весь рост портрет идеального большевика, цельный образ энтузиаста, который борется, трудится и страдает за дело, не думая о себе.

Это — трогательная повесть, рассказанная с замечательной беспристрастностью и вместе с тем непосредственностью, вытекающей из подлинности пережитого самим автором».

★

Многие пьесы советских драматургов хорошо известны зарубежному зрителю.

В свое время «Литературная газета» сообщала о большом успехе «Оптимистической трагедии» Вс. Вишневского на чешской сцене.

Мы располагаем обширными материалами иностранной прессы, положительно отзывающейся об «Аристократах» Н. Погодина и др.

А в одной из пражских газет мы в свое время прочли о том, что государственный чешский театр готовит постановку «Поднятой целины» по инсценировке, сделанной переводчиком профессором Матезиусом. «Пьеса будет итти два вечера подряд,—говорилось в этой заметке, — так как автор инсценировки не захотел, повидимому, сильно купировать роман».

Можно было бы продолжить перечисление фактов исключительного внимания иностранного читателя и зрителя к советской литературе.

Все эти факты свидетельствуют об одном:

Интерес к Советскому Союзу велик!

Советская книга прочно завоевала себе место в мировой литературе.

К ней тянутся передовые читатели всех стран, понявшие, что Советский Союз — подлинный оплот защиты мира и культуры.

П.

Лион Фейхтвангер

Москва, 1937 год

МОСКВА СТАНЕТ ПРЕКРАСНОЙ

Обещание: «Москва станет прекрасной» — не пустой лозунг, в лучшем случае относящийся к общественным зданиям. Об этом свидетельствует та энергия, с которой за последние два года проводится коренная реконструкция Москвы.

СТРОИТЕЛЬНАЯ ВЫСТАВКА

То математически точное, разумное начало, которое накладывает свой отпечаток на всю жизнь Советского Союза, особенно бросается в глаза в этом грандиозном плане реконструкции Москвы. И, пожалуй, ничто другое не дает такой возможности получить быстрое и полное представление о сущности Советского Союза, как Московская строительная выставка.

МАКЕТ НОВОЙ МОСКВЫ

Сидишь на небольшом возвышении, перед гигантским макетом, изображающим Москву, Москву 1945 года. Будущая Москва, по сравнению с сегодняшней, выглядит так, как сегодняшняя по сравнению с Москвой царской — этой большой деревней. Макет электрифицирован; вспыхивающие на нем голубые, зеленые, красные электрические линии показывают проекты улиц, линии метро, автомобильное шоссе, показывают, как целесообразно будут расположены жилища и организован городской транспорт огромного города. Концентрические диагонали, разрезающие город на части, кольцеобразные улицы, которые их пересекают, бульвары, радиальные улицы, главные и подсобные пути, здания учреждений и жилые ансамбли, промышленные сооружения, парки и школы, правительственные здания, больницы, просветительно-культурные учреждения, частные и общественные дома, их расположение и распределение — все это рассчитано с геометрической точностью. Еще никогда город не строился с самого начала по законам такой целесообразности и, следовательно, красоты, как эта новая Москва. На макете вспыхивают бесчисленные мелкие точки и линии; здесь будут мчаться вагоны метро; тут будут проложены автострады; там вырастут школы, больницы, универмаги, фабрики, театры. Москва-река будет протекать вот в этом направлении; здесь будут под'ездные пути для подвоза продовольствия, тут — для прочего транспорта; отсюда город будет снабжаться водой, а электричеством и теплофикацией будут управлять вот из этой точки.

ЧТО ПРЕПЯТСТВУЕТ ПЛАНИРОВАНИЮ В КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ

Все вместе находится здесь в более осмысленном взаимодействии, чем в любом другом городе мира. В других городах потребности жителей выявились лишь с течением времени, и частная и общественная инициатива стала приноравливаться к ним со значительным опозданием.

Потребности, таким образом, удовлетворялись более или менее случайно и всегда несовершенно и неразумно. Последующее регулирование затруднялось и усложнялось противодействием многочисленных частных интересов. Не было достаточно авторитетной власти, которая посмела бы пренебречь этими частными интересами для пользы общества.

Сопротивление алчных владельцев земельных участков везде являлось препятствием для разумного планирования города. Префект Осман, который в середине XIX века заново перепланировал Париж, рассказывал следующее: «Для того чтобы осуществить разработанный инженером Белграном проект снабжения города водой, город должен был получить во владение воды Сены и Суды. Но частные владельцы и слышать не хотели об уступке своих прав, и из-за этого проваливалось все дело». Когда в 1923 году землетрясением был разрушен город Токио, то за 120 гектаров земли, которые понадобились для расширения улиц (в сущности, это была только четверть того, что требовалось в действительности) пришлось выплатить частным владельцам двести миллионов иен и отказаться от первоначального плана реконструкции.

ПРЕИМУЩЕСТВА ПЛАНИРОВАНИЯ МОСКВЫ

При строительстве будущей Москвы все эти препятствия отпадают. Планировка города облегчается тем, что не приходится приноравливаться к дурной действительности, наоборот, тут с самого начала все полно смысла, цели, плана, разума.

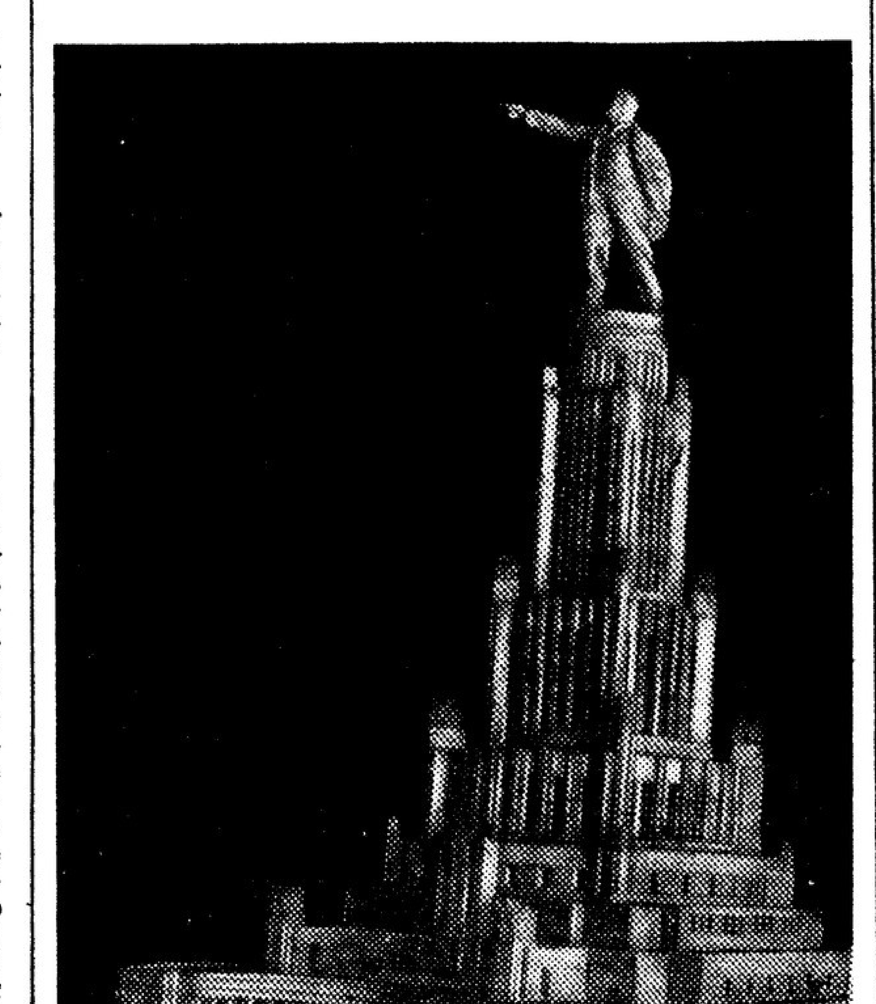
ДЕТАЛИ

Три диагонали, каждая длиной 15—20 километров, которые образуют главные магистрали столицы, три новых радиальных улицы в соединении двух параллельных улиц в одну, расширение вокруг Красной площади, жилые кварталы, перенесение всех предприятий, опасных в пожарном отношении и вредных в санитарном, из центра на окраины, сооружение широких набережных, строительство новых мостов и железнодорожных виадуков, теплоцентралей, новых школьных зданий, новых больших и маленьких больниц и новых больших универмагов, расширение площади города, десятикилометровый парковый пояс, которым будет окружен город, строительство тридцати огромных парков в окрестностях и 52 районных городских скверов в черте города, — все это так хорошо взвешено, так осмысленно сочетается одно с другим, что даже самый трезвый человек не может не испытывать волнения перед красотой и величием этого проекта.

ТВОРЦЫ

Творцов этого проекта зовут: Иосиф Сталин, Л. М. Каганович и Н. С. Хрущев.

* Отрывки из новой книги.

Модель к архитектурному проекту Дворца Советов. Авторы проекта — профессор В. Г. Гельфрейх, архитектор Б. М. Иофан, академик архитектуры В. А. Щуко. (Союзфото).

ЕЩЕ РАЗ О МАКЕТЕ

Да, это несравненное эстетическое наслаждение — любоваться таким городом, построенным с самого начала по законам разума, первым в таком роде с тех пор, как люди пишут свою историю. Стоишь и смотришь на гигантский макет, а архитектор дает пояснения.

В первый год, т. е. в 1935—36 году, — об'ясняет он, — мы должны были построить школы здесь, здесь и здесь, — и электрические лампочки вспыхивают одна за другой. — Построили же на самом деле столько-то — вспыхивает гораздо больше точек. — За первые полтора года мы хотели построить больницы тут, тут и тут, а построили столько-то. — И опять вспыхивает гораздо больше разноцветных точек, чем количество зданий по проекту. Если хочешь изучить детали макета, отдельные части города, то можно подойти поближе: макет при этом автоматически раздвигается на части, можно между ними пройтись, туда, обратно, осмотреть будущий город, выбрать себе любимое местечко.

РАНЬШЕ И ТЕПЕРЬ

Какое счастье сознавать, что этот макет — не игрушка, не плод фантазии, какими обычно бывают аналогичные проекты западных архитекторов, что через 8 лет все это претворится в действительность. Не только разница между прежней и теперешней Москвой подтверждает это. В старой Москве было всего 200.000 кв. метров асфальтовых и замощенных обтесанным камнем улиц и площадей, сегодня таких улиц уже 3.200.000 кв. метров, В старой Москве потребление воды составляло ежедневно 60 литров на человека, теперь оно достигло 160 литров (берлинец потребляет 130 литров в день). Если в старой Москве был самый отсталый городской транспорт, то новая Москва далеко ушла в этом отношении, с ее прекрасно развитой трамвайной сетью, автобусами, троллейбусами, с ее роскошным метрополитеном. На каждого москвича приходится в среднем 550 поездок в год. В Берлине соответствующая цифра — 287, в Париже — 420, в Нью-Йорке — 450. Если в первые два года, когда пришлось создавать самое трудное, план выполнялся больше чем на 100%, то какие же основания полагать, что в последующие 8 лет он будет проводиться хуже, чем до сих пор!

ГАРАНТИЯ ВЫПОЛНЕНИЯ

Как приятны, после неопределенных и пустых обещаний фашистских «четырехлеток», та точность, с которой здесь обдумывают каждую мелочь, предусмотрительность, с которой учитывается возможность снабжения строительства необходимыми материалами. По мере выполнения плана подтверждается реальность этих возможностей.

Официальное изложение «Проекта реконструкции города Москвы» гласит: «Выполнение этого плана работ требует напряжения всех сил, но, тем не менее, он будет выполнен».

УВЕРЕННОСТЬ

Кто хоть раз был в Москве, знает: он действительно будет выполнен.

КОНЕЦ ЖИЛИЩНОЙ НУЖДЫ

Вот что помогает москвичам переносить жилищную нужду. Они знают, что она минует. Так же, как они уверены, что в определенный срок наступит новолуние или полнолуние, они знают, когда у каждого из них будут лучшие жилищные условия.

ИЗ КОНСТИТУЦИИ

Глава X «Конституции Союза Социалистических Советских Республик», носящая название: «Основные права и обязанности граждан», предусматривает в статье 118 следующее:

«**Статья 118.** Граждане СССР имеют право на труд, то-есть право на получение гарантированной работы с оплатой их труда в соответствии с его количеством и качеством.

Право на труд обеспечивается социалистической организацией народного хозяйства. неуклонным ростом производительных сил советского общества, устранением возможности хозяйственных кризисов и ликвидацией безработицы.

Статья 119. Граждане СССР имеют право на отдых.

Право на отдых обеспечивается сокращением рабочего дня для подавляющего большинства рабочих до 7 часов, установлением ежегодных отпусков рабочим и служащим с сохранением заработной платы, предоставлением для обслуживания трудящихся широкой сети санаториев, домов отдыха, клубов.

Статья 120. Граждане СССР имеют право на материальное обеспечение в старости, а также — в случае болезни и потери трудоспособности.

Это право обеспечивается широким развитием социального страхования рабочих и служащих за счет государства, бесплатной медицинской помощью трудящимся, предоставлением в пользование трудящимся широкой сети курортов.

Статья 121. Граждане СССР имеют право на образование.

Это право обеспечивается всеобще-обязательным начальным образованием, бесплатностью образования, включая высшее образование, системой государственных стипендий подавляющему большинству учащихся в высшей школе, обучением в школах на родном языке, организацией на заводах. в совхозах, машинотракторных станциях и колхозах бесплатного производственного, технического и агрономического обучения трудящихся».

НОВОЕ В СОВЕТСКОЙ КОНСТИТУЦИИ

Итак, разница между общеизвестными демократическими конституциями и Конституцией Советского Союза заключается в том, что в других конституциях права и свобода граждан только провозглашаются, между тем как в советской Конституции указаны конкретные факты, обеспечивающие осуществление этих прав.

НЕ ФРАЗА, А РЕАЛЬНОСТЬ

Бесспорно, что процитированные 4 статьи, — а эти статьи представляются мне основой настоящей демократии, — не фраза, а реальность. Сколько бы Вы ни рыскали по всей огромной Москве, вы вряд ли найдете здесь что-либо противоречащее этим статьям.

РАБОТОСПОСОБНОСТЬ

Поразительное открытие делает Андре Жид о беспечности советских людей. Что касается меня, то я должен сказать, что мне внушали уважение как раз исключительная деловитость, трудолюбие и работоспособность москвичей. Они мчатся по улицам с сосредоточенными лицами, быстро пересекая улицы, как только вспыхивает зеленый сигнал, атакуя станции метро, трамваи, автобусы, они хлопочут, как муравьи. На предприятиях я видел только людей, которые интенсивно работали.

Я нахожу, что пора покончить с пресловутой басней о русской лени. Мыслимо ли, чтобы колоссальные достижения, превратившие страну с населением, задыхавшимся от непосильного труда, от грязи и невежества, в образцовый государственный организм, который располагает высоко развитой индустрией, рационализированным сельским хозяйством, большим количеством вновь построенных или радикально реконструированных городов, — в государство, где окончательно ликвидирована неграмотность, — мыслимо ли, чтобы все эти достижения были осуществлены людьми, ленивыми от природы? Среди членов правительства Советского Союза есть много необычайно талантливых людей; но какой же гениальностью они должны были бы обладать, чтобы добиться гигантских достижений социалистического строительства, если бы этот народ был ленив от природы? Нет, крестьяне и рабочие воспринимали труд как тяжелое бремя, пока бессовестные хозяева и помещики сдирали с них шкуру. Но теперь, когда они убедились на опыте, что сами они пользуются плодами своего труда, этот труд стал для них радостью.

Перевела **Д. КАРАВКИНА.**

ГУГО ГУППЕРТ

ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНАЯ ПЕЧАТЬ НА ФРОНТАХ ИСПАНИИ

В республиканской Испании растет сеть выходящих на немецком, французском, итальянском и английском языках газет, журналов и бюллетеней.

Если взять только немецкую печать, издающуюся в больших тиражах на фронте и в тылу и рассылаемую из Испании во все центры германской антифашистской эмиграции, бросается в глаза жизненное разнообразие этой печати, богатство форм, боевой дух. Немецкие антифашистские писатели, находящиеся в рядах испанской народной армии: Людвиг Ренн, Густав Реглер, Ганс Мархвица, Эгон Эрвин Киш и др. ведут активную работу в этой печати.

★

В Барселоне издается (с начала 1937 года) и распространяется буквально по всему миру на немецком, французском и английском языках очень интересный большой еженедельный бюллетень **«Пресс Коммюникэ»**, систематически освещающий все политические и культурные проблемы республики и народного фронта. В нем можно найти весьма поучительные и хорошо написанные статьи о национальном вопросе в Испании, о военно-революционном воспитании трудящихся, о методах борьбы против фашистско-троцкистского шпионажа и вредительства, о роли профсоюзов в деле народной обороны, о школьном строительстве, о детских яслях и лагерях для детей милиционеров и бойцов народной армии и т. п. Большое место уделено дискуссионным вопросам народного фронта: о роли церкви, католицизма, о синдикализме и федерализме. Но в центре внимания стоят проблемы культурной политики в условиях всенародной вооруженной борьбы против фашистов и интервентов.

★

Только что вышел из печати первый номер новой немецкой еженедельной газеты, органа об'единенной социалистической партии Каталонии с каталонским заглавием **«Ла Либертат»** («Свобода»). Газета распространяется среди бойцов интернациональных бригад на фронте; она безусловно проникает в войска противника и помогает солдатам фашистской армии увидеть истинный характер разбойничьей интервенционистской войны итало-германского фашизма. И здесь вопросам культурного строительства республики уделено большое внимание.

Но особенно интересна популярнейшая газета немецких антифашистских бойцов Интернационального батальона **«Доброволец свободы»**.

Здесь превалируют литературные жанры: рассказы, очерки, стихи, боевые песни. Отдельные бойцы рассказывают фронтовые эпизоды, то и дело проявляется здоровый юмор и острая сатира против Франко и его военно-фашистских покровителей; подробно освещается ежедневная жизнь антифашиста-фронтовика. Газета печатает и стратегические обозрения и статьи о военной тактике. Например, недавно Людвиг Ренн поместил большой дискуссионный очерк о тактических уроках войны в Испании.

Интернациональная печать в Испании — острое оружие в руках бойцов против фашистской интервенции в защиту мира и культуры.

«История гражданской Войны» на иностранных языках

Издательское товарищество иностранных рабочих в СССР выпускает «Историю гражданской войны» в переводе на французский, английский и немецкий языки.

Ив. АНИСИМОВ

О том, как был написан «Огонь»

Недавно издательством Фламарион в Париже выпущена книга **«Письма Анри Барбюса к жене. 1914—1917».** Эта книга представляет исключительный интерес. Почти каждый день писал Барбюс своему другу. Так возникла подробная и крайне непосредственная летопись, охватывающая годы, проведенные на фронте. Письма Барбюса глубоко интимны, вместе с тем они дают необычайно широкое отражение всех событий, участником и свидетелем которых он был. Множеством западающих в память деталей очерчен здесь мужественный облик Барбюса. Как удивительно прост был этот человек в своем повседневном мужестве и как человечен!

Есть большое различие между первым и последними письмами с фронта. Мы видим, как постепенно Барбюс узнавал всю правду об империалистической бойне, как постепенно освобождался он от иллюзий и предрассудков. Мы видим весь процесс созревания и осуществления книги «Огонь», в которой, по известным словам Ленина, — «превращение совершенно невежественного, целиком подавленного идеями и предрассудками, обывателя и массовика в революционера именно под влиянием войны показано необычайно сильно, талантливо, правдиво» [1].

Письма Барбюса свидетельствуют, что возникновение романа «Огонь» нельзя себе представить вне той неразрывной связи с жизнью народа, которая проявляется в каждом поступке и переживании Барбюса на фронте. В «Огне» показано, что империалистическая война легла чудовищным, кровавым бременем на народ, но вместе с тем война эта стала школой сознательности для миллионов; основною особенностью романа «Огонь» является то, что он показывает «рост революционного сознания в массах» [2]. Эта особенность и позволила Максиму Горькому назвать «Огонь» Барбюса «страшной и радостной книгой».

Во всех этих наблюдениях, охватывающих фронтовую жизнь в самых ее мелких подробностях, выделяется, постоянно подчеркивается одна основная линия: **люди** привлекают внимание Барбюса. Уже первые письма его пестрят именами солдат, вместе с которыми ему пришлось пережить тот или иной эпизод окопного существования. С изумляющей конкретностью Барбюс воссоздает облик своих новых друзей. Он наблюдает их в бою и в затишьи кратковременного отдыха в ближнем тылу, он вслушивается в их рассказы.

С восхищением говорит Барбюс о французских рабочих и крестьянах, одетых в солдатские шинели, проявляющих поразительное мужество в самых тяжелых испытаниях боя. Чувство юмора не покидает этих людей в самые страшные минуты. Шутку, крепкое словцо писателю приходилось слышать в самой неожиданной обстановке.

«Вчера к нам в окоп явились журналисты в сопровождении офицеров генерального штаба и Филиппа Бертело, крупного чиновника министерства иностранных дел. Я разговаривал с ним. Он не узнал меня. С понятной иронией, вернее с презрением, смотрим мы на этих окопных туристов».

Эти строки показывают, с какой резкостью «пуалю» Барбюс отделил себя от мира буржуазии. Он был с народом, он презирал виновников, организаторов и приспешников бойни. С насмешкой пишет он, что ему удалось однажды в тылу увидеть «зад господина Пуанкаре».

С негодованием говорит он о некоем художнике Жорже Скотт, который сделал своей специальностью беззастенчивую лакировку войны. Барбюс видит, сколько ловких дельцов наживается на войне, прикрашивая ее своими розоватыми, сахаристыми и бездарными писаниями. Он собирает силы для того, чтобы нанести удар этой шовинистической лжи, он готовит «Огонь».

Первое письмо Барбюса датировано 3 августа 1914 г. Первое упоминание о набросках к роману встречается в письме от 13 июля 1915 г. «Густав Тери просит у меня зарисовок для своей газеты... Если найду время, попытаюсь». Больше года в письмах литератора ни слова не говорилось о литературе, Барбюс напряженнейшим образом изучал раскрывшуюся перед ним действительность. Он накопил за это время колоссальный материал, он подвел мощный фундамент под свое будущее произведение.

Вся вторая половина 1915 года и весь 1916 год посвящены созданию «Огня». Барбюс использует каждый клочок времени и каждую возможность для того, чтобы работать над книгой. Его переписка отражает этот сложный процесс; мы видим, как один за другим отправляются в редакцию левой газеты «Эвр», руководимой Гюставом Тери, фельетоны — главы романа «Огонь». Барбюс с головой уходит в литературную работу.

«Я не посылаю вам записок, они мне самому нужны: я занят сейчас сооружением большой махины; все собранные мною документы должны быть под рукой; надо поставить на место каждый кусочек, а документов, в большинстве представляющих красочные детали, слишком много, чтобы моя память могла сохранить их до того времени, как они понадобятся для романа; заметки совершенно необходимы».

Письма Барбюса вводят нас в ту походную лабораторию художника, в которой с лихорадочным напряжением создавался замечательный роман. Замысел романа «Огонь» он связывает с задачей показать «простого солдата». Уже это одно означало, что Барбюс бросает вызов буржуазной литературе и буржуазному обществу.

«Позорное и отвратительное происходит вокруг», говорит Барбюс, рассказывая о том, с каким цинизмом буржуазные «патриоты» относятся к бойцам фронта. Это — вакханалия самого мерзкого лицемерия.

Барбюс понимает грабительский характер происходящей войны, он справедливо оценивает ее как выражение безумия и гнусности капитализма; он понимает провокационный характер шовинистической пропаганды, которую ведет вся буржуазная пресса,—все это, прежде чем вылиться в незабываемые образы «Огня», проходит в переписке Барбюса. Мы видим, как день за днем просветляется его сознание, как суровый опыт фронта помогает ему изжить все иллюзии и предрассудки, как подготавливается и осуществляется его разрыв со старым миром.

«Огонь» начинает печататься в газете «Эвр». Уже после первого фельетона Барбюсу приходится вести борьбу за каждую написанную им строчку. Надо отдать должное смелости Г. Тери, начавшего печатать книгу Барбюса, но нельзя и переоценивать эту смелость, смелость либерала. Барбюс так далеко шагнул вперед за время пребывания на фронте, что книга его показалась редактору «Эвр» слишком опасной, и он постарался смягчить ее. «Я взбешен. «Эвр» старается обмануть меня» — пишет Барбюс 6 августа 1916 г. Затем почти в каждом письме он вынужден говорить о «грязных проделках» Тери, о настоящем «иезуитизме» редактора-либерала.

Барбюс отстаивает каждое слово, он начинает настоящую войну с «Эвр». По какой линии идут «поправки» Тери? Они прежде всего касаются сурового, беспощадно правдивого, называющего вещи своими именами языка книги Барбюса. Тери старается смягчить, подравнять, подлакировать грозную прозу Барбюса и тем уменьшить удар, наносимый этим произведением. Горячий спор из-за «Gros mots» (грубых слов) продолжается все время, пока печатается роман. Как известно в «Огне» есть специальная глава (тринадцатая), которая так и называется «Грубые слова». «Я буду пользоваться грубыми словами, — говорит там автор, — ибо этого требует правда». В переписке замечательно отражена борьба Барбюса за полную правду, которую должна высказать его книга, разоблачающая все фальшивые розовые сказки об империалистической бойне.

Естественно, что поправки Тери касались не только словаря романа (хотя и здесь они имели явный политический характер). Тери заботился о том, чтобы по возможности смягчить революционное направление романа. С понятной тревогой ожидал Барбюс появления фельетона, содержащего речь Бертрана о будущем, эту ставшую впоследствии знаменитой речь, в которой упоминалось имя Карла Либкнехта. Он с трудом поверил своим глазам, увидев это важнейшее место романа напечатанным.

Еще до того, как «Огонь» был напечатан полностью, стало ясно, что книга будет иметь колоссальный успех. Барбюс ведет переговоры с издателями, получает ряд благосклонных критических отзывов (например, отзыв Вандерема), ему передают мнение Анатоля Франса: «Огонь» — одна из лучших книг французской литературы». Одним словом, «барометр «Огня» показывает прекрасную погоду».

Барбюс внимательно прислушивается к голосу критики, поддерживающей книгу, но, кажется, самое большое удовлетворение доставляет ему высокая оценка, которую дают роману французские солдаты. Он радостно рассказывает:

«Отрывок (речь Бертрана) произвел здесь на товарищей большое впечатление, они каждый раз просят меня отдать им фельетон после того, как я прочел его: «Хорошо, старик, что ты не виляешь, а называешь вещи своими именами!» Они находят, что я прав, когда противопоставляю идеал человечности и свободы тупому и гнусному деруледизму (читай, шовинизму. — **И. А.**)... Поразительно, как жадно впитывают в себя истину солдаты, среди которых вот уже два года я нахожусь. Все больше я убеждаюсь в том, что настало время говорить во весь голос».

В другом письме Барбюс говорит: «С величайшим удовлетворением я могу констатировать, что в последней главе романа я так обрисовал современное положение и задачу будущего, что, как мне кажется, не осталось неосвещенных мест. Мне приходится иногда в разговоре пользоваться фразами из «Зари» (название последней главы. — **И. А.**), они естественно приходят мне на память, когда я говорю о том, что я продумал за всю свою жизнь, и солдаты слушают, соглашаются, подтверждают: «Что ни говори, а это правда!» И для них это не пустые слова».

«Я много разговариваю с солдатами», — пишет Барбюс в октябре 1916 года. — «Признаюсь, я занимаюсь пропагандой. Мне радостно видеть, что мои слова об Интернационале — этом великом воплощении самых мощных моральных идей, опрокидывающем все препятствия косности, предрассудков и лжи, находят отклик в этих людях, которые, подобно людям «Огня», вынесли всю тяжесть Большой Войны на своих плечах и которые являются пролетариями битв».

Гордостью, сознанием исполненного долга наполняет Барбюса то, что его роман стал подлинно народным произведением. Раз'ясняя, чем нравится ему заголовок романа, он пишет: «Это означает, насколько серьезно потрясение, которое сейчас переживает мир: мир охвачен огнем». Барбюс стремится подчеркнуть весь грозный смысл своего произведения.

Огромный интерес представляют рассеянные по всей переписке Барбюса высказывания о социализме. 26 января 1916 г., давая оценку либеральной газете Тери, он пишет:

«Я согласен с критикой, которую изо дня в день ведет «Эвр», за исключением того, что эта газета пишет о социализме, в котором я вижу единственную математически неизбежную возможность предотвратить войны в будущем. Никаких других возможностей нет».

В другом месте он пишет, что «социализм — это единственная справедливая политическая доктрина», «светоч человечества», «светоч разума». Письма Барбюса показывают, что на фронте он стал убежденным социалистом, сознательным борцом за освобождение трудящихся.

В письме от 13 октября 1916 г. Барбюс, бывший тогда в госпитале, рассказывает, какое впечатление производит на него буржуазная пресса.

«Как все эти люди зверски, упорно, тупо ненавидят социализм и освобождение эксплоатируемых. Как щедры они на софизмы, проникнутые влиянием Барреса и католических проповедников; в каком напыщенном философско-религиозном стиле доказывают они необходимость закабаления людей и идей. Это более или менее замаскированная проповедь возвращения ко временам монархического режима, рабства и произвола. Эти писания возмущают меня, если не сказать больше. Необходимо всеми силами бороться против этой продажной литературы, которой правительство ренегатов и реакционеров бесстыдно покровительствует и которая в настоящий момент является литературой официальной».

В этих словах прекрасно выражен лейтмотив ненависти к капитализму, проходящий сквозь всю переписку Барбюса. Годы войны сделали его другом и сторонником трудящихся.

Совершенно естественно, что книга Барбюса была встречена воем шовинистической прессы. В нападках на «Огонь» об'единились монархическая газета «Аксьон Франсез», католические писаки («клерикалы архивзбесились на меня, думаю, что они с'ели бы меня живьем, если бы могли»), «грязная газета Эрвье», «подлец Лависс» из газеты «Тан», — в этот широкий фронт включилось и «Ревю Эбдомадэр», которому Барбюс дал меткую характеристику: «грязно-розоватый журнальчик, лицемерно прикрывающий реакционные убеждения весьма тонкой и прозрачной пленкой республиканизма».

Бешеная кампания, поднятая шовинистической прессой, этой «озлобленной сворой». послужила для Барбюса лучшим доказательством того, что он написал книгу, попавшую прямо в цель. Он реагирует на эту разнузданную травлю, как мужественный боец, имеющий перед собой великую и ясную цель.

«Успех «Огня», — пишет Барбюс в мае 1917 года, — дает мне уверенность в том, что я буду услышан. Не будем предаваться унынию и оплакивать жертвы войны, постараемся использовать этот урок, чтобы улучшить социальную жизнь, позаботимся о будущем».

Барбюса охватывает «непобедимое желание написать возможно скорее» книгу «Лицом к лицу», которая должна со всею силой показать борьбу двух миров и раз'яснить трудящимся, что приближается последний и решительный бой с капитализмом. В этом замысле можно видеть зародыш всего последующего творчества Барбюса. Этот замечательный «просветитель» был мужественным бойцом за освобождение человечества от капиталистического ига, он шел в первых рядах антифашистского народного фронта.

[1] Ленин, Собр. соч., том XXIV, стр. 397.

[2] Ленин, Собр. соч., т. XXIV, стр. 396.

Н. ЯКОВЛЕВ

Фронт проходит через весь мир

В памяти народов живы кровавые ужасы бойни, в которую мир был брошен двадцать три года назад правительствами империалистических стран.

Мир еще не успел оправиться от ран и увечий, которыми он оплатил империалистические вожделения международной буржуазии, и он снова у предверия бойни, еще более страшной, еще более истребительной. На этот раз буржуазия отбросила «фиговый листок» посулов и обещаний, которым она двадцать три года назад пыталась прикрыть свою империалистическую сущность. Буржуазия выпустила на арену свой последний резерв — фашизм, самый гнусный и самый хищный отряд охранителей капиталистического порядка, бешеных, раз'яренных псов, не скрывающих своего намерения — утопить человечество в крови, утвердить на земле закон бронированного кулака.

Недавно мир был свидетелем циничного захвата армиями Муссолини Абиссинии, беззащитный народ которой не в силах был противостоять современной технике войны и уничтожения. Уже больше года народные массы Испании, изумляя весь мир своей отвагой и неустрашимостью, сдерживают ожесточенный натиск тройственного союза Франко — Муссолини — Гитлера. Теперь загрохотали пушки в Северном Китае. Японские генералы решили воспользоваться европейской «сумятицей» и прикарманить под шумок землю китайского народа, осуществить один из пунктов «широкой» программы покорения Китая.

Наученные горьким опытом недавнего прошлого, трудящиеся всего мира не хотят быть «пушечным мясом». Они ненавидят фашизм. Они с тревогой следят за действиями поджигателей войны. Они с любовью и надеждой поддерживают развивающееся движение народного фронта, создающего могучий заслон против фашистских людоедов.

Нужны ли более убедительные, более красноречивые иллюстрации настроений масс, чем та помощь и сочувствие, которую получает героический народ Испании — первый из всех народов ответивший языком оружия на подлые, изменнические действия фашистов?

Все друзья мира отлично сознают, что испанский фронт «проходит через всю Европу, через весь мир», ибо везде, где существуют угнетатели и угнетенные, где фашистско-троцкистские банды собирают свои резервы для нападения на прогрессивные силы человечества.

Испания сейчас — самый важный участок этого всемирного фронта. Исход боев здесь в значительной степени предрешается развитием антифашистского движения в целом.

«Освобождение Испании от гнета фашистских реакционеров не есть частое дело испанцев, а — общее дело всего передового и прогрессивного человечества».

Эти мудрые слова великого вождя страны, идущей в авангарде друзей испанской демократии, прозвучали, как могучий призыв к массам — притти в борьбе с общим врагом, притти на помощь бесстрашному народу, задерживающему с оружием в руках нашествие итало-германских варваров и их подлого наймита и агента — генерала Франко.

Братская солидарность миллионов, приведенных в движение испанскими событиями, величественна и волнующа.

Бесконечно велики, многообразны и трогательны формы проявления этой солидарности. Историки и художники должны будут соединить свои усилия для того, чтобы от внимания будущих поколений не ускользнула ни одна деталь этой потрясающей эпопеи. Рабочие и колхозники Страны советов, отправляющие испанским женщинам и детям пароходы с продовольствием и одеждой; портовые рабочие стран капитализма, отказывающиеся грузить оружие для мятежников; японские моряки, посылающие героическим борцам Испании почтовые открытки; английские женщины, вывешивающие в витринах магазинов огромные надписи: «Мы вяжем для Испании»; французские крестьяне, приходящие из отдаленных деревень в Париж с требованиями разместить у них беженцев, покинувших развалины Ируна и Сан-Себастьяна; венские коммунисты, ежевечерне обращающиеся к рабочим массам с призывом через подпольное радио: «Лозунг партии — каждый район в Вене дает пулемет для Испании», безработные из Кристофгамме (Чехословакия), посылающие Комитету помощи Испании сушеные грибы с просьбой продать их и переслать вырученные средства испанским товарищам, — сколько их, таких безымянных героев, благородных и скромных тружеников, понявших, что в эти дни на фронтах Испании решаются судьбы не только испанского народа. Миллионы трудящихся готовы на любые жертвы, чтобы спасти человечество от новой резни.

«Я знаю, я слишком молод, чтобы умереть, — писал своей матери юный английский доброволец, — но я знаю также, что я никогда так равнодушно не смотрел в глаза смерти, как в данный момент. Я борюсь за то дело, которое одно только в состоянии спасти мир от войны и нищеты».

Даже в странах фашизма, где свирепствует разнузданный террор опричников Гитлера и Муссолини, где продажная, «унифицированная» пресса бесстыдно клевещет на бойцов Испанской республики, симпатии народных масс на стороне отважных героев.

Об этом свидетельствует поток писем немецких рабочих, которые поступают из Германии в антифашистское бюро печати в Париже «Дейче информацион». В одном из этих писем сообщается, что четыреста пятьдесят рабочих, занятых на одной берлинской стройке, приветствуют друг друга вместо обязательного в стране возгласа «Хайль Гитлер» возгласом «Хайль Шпанием!» («Да здравствует Испания!»).

Особенную ярость фашистских разбойников вызывает тот факт, что множество гранат и бомб, изготовляемых германскими военными заводами для Франко, оказываются начиненными песком и тряпками. Бомбы эти служат доказательством того, что друзья с затаенным дыханием следят за ходом борьбы и верят, что фашизм рухнет во всем мире, в том числе и на их родине.

Примеры такой же солидарности с испанским народом дают и трудящиеся массы Италии.

На улицах Неаполя, Милана, Рима, Турина и других городов Италии появляются тысячи листовок с призывом бороться против фашистского произвола, помогать героическим борцам Испании. Текст листовок краток и выразителен:

— Наши летчики бомбардируют испанский народ, который борется за мир, свободу и хлеб. Мы требуем возвращения этих летчиков.

— Высшее духовенство вооружает злодеев из лагеря Франко и врагов Испании.

— Республиканская Испания — это мир, фашизм — это война.

«Правосудие» Муссолини жестоко расплачивается с теми, кто осмеливается поднять свой голос в защиту испанской демократии. Их ждут смертная казнь, ссылка на острова, заключение в тюрьмы на десятки лет.

В схватках с наступающим варварством родились интернациональные бригады. В них можно встретить ученого из Лондона и безработного токаря из Галиции; немецкого эмигранта из Праги и владельца мелкой лавочки из Парижа; портного из Лодзи и писателя с Кубы; шахтера из Канады и учителя из Антверпена; металлиста из Гельсингфорса и бывшего офицера из Будапешта.

Они покрыли вечной славой знамена, под которыми сражаются. Человечество не забудет достойного соратника Эрнста Тельмана Ганса Беймлера, лучшего сына немецкого народа, павшего от фашистской пули со словами «Рот фронт». И доблестного Лукача, венгерского писателя и бойца, отдавшего всю свою сознательную жизнь делу пролетариата. И Ральфа Фокса, блестящего английского публициста, — коммуниста, променявшего перо на винтовку, чтобы защищать светлое будущее всех народов. Человечество сохранит в своей памяти и сердце имена Гвидо Пичели, Густава Керна, Марио Анджелони, Бруно Прейса, сотен коммунистов, рядовых социал-демократов, анархистов и беспартийных, нашедших общий язык, язык жгучей ненависти к поджигателям войны, и павших смертью храбрых в борьбе с ними. Грядущие поколения с восхищением и гордостью будут произносить славные имена писателей Андрэ Мальро, Густава Реглера, Ганса Мархвица, Людвига Ренна, американского летчика Чемберлина, английского физиолога Холдейна и многих других представителей современной литературы, исскуства и науки, показывающих на фронтах освободительной войны пример мужества и революционного героизма.

Это могучее проявление интернациональной солидарности окрыляет народные массы Испании, укрепляет в них веру в скорую и окончательную победу, предотвратить которую не смогут никакие фарсы невмешательства, никакие шпионские ухищрения троцкистско-поумовской агентуры фашизма.

ВИЛЛИ БРЕДЕЛЬ

ФАШИЗМ— ЭТО ВОЙНА

— Мы, немецкие писатели, приехали в Мадрид, чтобы сказать испанскому народу: войну против вас поддерживают германский фашизм, германская военщина, германские военные промышленники, но **немецкий народ** хочет мира с вами, как и со всеми другими народами. Вот почему фашистские газеты то и дело сообщают, что на военных заводах Круппа, на больших предприятиях Берлина, на верфях Гамбурга и Киля происходят аресты за тайный сбор средств для Испании или за проявление каким-либо иным путем симпатий к испанским борцам за свободу.

Нация — это не те, которые ради собственных выгод поддерживают Гитлера, Муссолини, Франко, но те, которые все приносят в жертву во имя свободы и благополучия своего народа, их нельзя заставить отказаться от своих убеждений ни подкупом, ни силой.

Пусть это имеют в виду подчинившиеся фашистскому режиму Германии, подстриженные под одну гребенку писатели, они — не что иное, как винтики геббельсовского аппарата пропаганды и должны писать то, что им велят. В прошлом году Гитлер собрал в Берлине всех «военных писателей» и раз'яснил им, что главная задача, которую фашизм ставит перед литературой, состоит в следующем: систематически подготовлять народ к войне; при этом войну не следует только прославлять, но показывать также и ее ужасы, однако, таким образом, чтобы воспитать народ, закалив его для войны. Война в литературе — это то, что немецкие фашисты называют «стальной романтикой». Война, смерть и порабощение— вот три основных пункта в программах всех фашистов.

Гитлер в своей прошлогодней, так называемой культурной речи в Нюренберге квалифицировал весь ход развития после Великой французской революции как «разложение культуры» и об'явил непримиримую войну всем достижениям человечества с 1789 года. Он назвал демократию анархией и обвинил ее в стремлении уничтожить человеческую культуру. Эта «культурная теория», исключительная по своему бесстыдству и глупости, придумана для того, чтобы подготовить захватническую войну фашизма. Для этой же цели служат расовая теория, безудержный шовинизм, разжигание ненависти ко всем негерманским расам и возвеличение последней в степень «господствующей расы».

Тот, кто выступает в Германии против этих теорий, ставит на карту свою жизнь. К чести немецкого народа, его писателей и ученых надо сказать, что такие люди среди немцев есть.

Я говорю не только о нелегальных антифашистских борцах, рассеянных по всей стране, о тех простых и отважных людях, которые, рискуя своей жизнью, борются за антифашистский народный фронт в Германии, — я думаю о таких людях, как профессор Зауэрбрух, который выступил на с'езде врачей в Дрездене и под громкие одобрительные возгласы своих коллег потребовал свободы науки, подавленной фашистами.

Я думаю о немецком писателе Эрнсте Вихерте, который в своей большой волнующей речи, обращенной к мюнхенским студентам, призывал своих учеников писать правду, служить правде, уничтоженной фашистами. В Германии растет оппозиция в рядах немецкой интеллигенции, ученых, представителей искусства.

Германский фашизм хочет уничтожить все достижения человеческой мысли. Он хочет не только исказить и переработать для своих целей немецкую классическую литературу и философию, не только вытравить память о великих свободомыслящих писателях и ученых, не только ликвидировать все прогрессивные явления в немецкой литературе, — он хочет также уничтожить культуру других наций, утверждая, что они опасны для «германской господствующей расы». Вот почему все, что только входит в понятие демократии, рассматривается фашистами как величайшее зло. Вот почему фашизм стремится уничтожить все проявления прогресса, свободы и культуры. В своей нюренбергской речи Гитлер выдвинул следующие положения: «Все, что до сих пор создано человечеством в области культуры, является заслугой отдельных великих людей, народ здесь не играл ни малейшей роли, наоборот, «разнузданная масса» разрушала культуру». Лживость этого утверждения очевидна всякому, кто знает историю.

Мы, свободные немецкие писатели, в изгнании взяли в свои руки культурное наследство нашего народа.

Народный фронт всех друзей культуры и врагов войны привлек на свою сторону народные массы Франции, народные массы Испании, где теперь идет героическая борьба против фашизма. Народный фронт крепнет также и в среде немецкого народа, к нему стремятся миллионы.

Здесь, в Мадриде, в присутствии героев испанской народной армии и интернациональных бригад, в присутствии писателей многочисленных стран, я обращаюсь с призывом к моим братьям в Германии: посмотрите на Испанию, на этот героический народ, — он показывает всему миру пример героической борьбы против фашизма!

Из речи на международном конгрессе писателей в Мадриде.

СЕКИ-САНО

ПОД САПОГОМ ЯПОНСКОЙ ВОЕНЩИНЫ

26 февраля 1936 г. кучка самурайских молодчиков, устроив путч, пыталась установить в Японии фашистскую диктатуру военщины. Мечтам самураев не суждено было сбыться. Внешние замыслы военщины провалились. Однако это ни в коей мере не означает, что она ничего не добилась. Непрекращающиеся провокации с японской стороны на границах Советского Союза, фактически начавшаяся война за захват Северного Китая самым наглядным образом подтверждают это.

«Война — отец творчества, мать культуры!» — вопят воинствующие самураи. Но японский народ на опыте «земного рая», который создан в результате грабительского захвата Манчжурии, убедился в истинном значении подобных «красивых» деклараций. Японский народ хочет мира. Это показали недавние выборы в парламент, где фашистская военщина с треском провалилась.

Но что такое воля народа для японской военщины и стоящей за ее спиной финансовой олигархии? Для создания шовинистического угара она мобилизует все имеющиеся в ее распоряжении средства: фабрикуются соответствующие книги, пьесы, фильмы. Подлинное искусство японского народа попирается солдатскими сапогами военщины.

В 1934 году Мацумото, бывший начальник департамента полиции, организатор фашистского контроля над искусством, создатель всякого рода фашистских писательских об'единений (вроде «Общества пятого числа» во главе с фашистским борзописцем Наски) громогласно заявил о своем «идеале»: создать в Токио «пятый интернационал», в задачу которого должна входить пропаганда «японского духа» во всем мире. Старания фашиста Мацумото ни к чему не привели. Японские художники не пошли за ним. После этой неудачи японская военщина стала прибегать к более изощренным способам обуздания искусства.

В феврале 1937 года, в день рождения микадо, был издан императорский указ об установлении ордена за заслуги в области искусства и науки.

В июне этого года правительство решило учредить так называемую «Имперскую академию искусства». Создание органа, унифицирующего искусство в общегосударственном масштабе по типу гитлеровской Германии, является завершением всякого рода «планов» японской военщины, вроде неудавшейся попытки создания «пятого интернационала». О том, что представляет собой эта «академия», лучше всего свидетельствует отказ виднейшего писателя Японии Тосон Симадзаки вступить в ее члены. Тосон Симадзаки представляет группу тех художников, которые не хотят быть завербованными японской военщиной, не хотят продавать свое творчество фашизму.

Выступать с открытой пропагандой войны становится все труднее и труднее. Говоря о «стремлении к миру», японская военщина расстреливает Бэйпин, провоцирует столкновения на границе с Советским Союзом, насаждает, где может, свою троцкистско-шпионскую агентуру, лихорадочно усиливает вооружения. В соответствии с политикой перестраиваются и методы использования искусства.

Сейчас в журнале Хинодэ печатается роман «Шанхайский десант». Автор романа — небезызвестный специалист по военным романам Киоскэ Фукунага. Оголтелая японская военщина представляется читателю «жаждущей мира». Военщина, наводнившая Китай японскими шпионами, подкупающая китайских генералов — предателей родины, ведущая политику открытой фашистской агрессии, — выступает в этом романе в роли «хранителя мира».

Недавно на японских экранах появился новый документальный фильм под названием «8.000 километров вдоль границы». Фильм был сделан под непосредственным руководством военного министерства и при участии «учреждений Манчжуго». Цель этого фильма — показать созданный в Манчжурии японцами «рай», необ'ятные просторы Манчжурии, ждущие «цивилизаторской» руки японских капиталистов.

Военщина наложила свою руку и на японский театр. В свое время она пыталась привлечь к пропаганде войны такие театры, как Кабуки и т. п. Однако попытки одеть в солдатские костюмы артистов этих театров провалились. После этой неудачи военщина пошла по линии использования материально нуждающихся театров. Были куплены уличные театры Ками Сибай, влачившие до этого нищенское существование.

В конце прошлого года известный фашистский актер Нобору Умэдзима, провалившийся два раза вместе с другими членами фашистской партии на выборах в парламент, организовал «Общество служения родине». По замыслам стоящей за его спиной военщины это общество должно устраивать около пятидесяти бесплатных концертов в год в рабочих кварталах Токио с целью пропаганды «достоинств» государственного строя Японии, поднятия «духа японизма», защиты масс от «вредных и опасных» мыслей и т. д. Однако «ревностного поборника защиты японского духа» к великому сожалению японских фашистов пришлось недавно посадить в тюрьму за наглый открытый подкуп избирателей во время избирательной кампании; в «деятельности» общества наступил «перерыв» до выхода его «лидера» из тюрьмы.

Японская военщина изобретает все новые и новые методы подкупа писателей, художников, артистов. В настоящее время намечается новая фашистская группировка в среде писателей, подвизающихся главным образом в журналах Бунгакукай и Нихонроманха. Лидером этой группировки является предатель Фусао Хаяси. За его спиной стоит изменник делу пролетариата Акира Асано, продавшийся японской полиции. Эта группа связана с японской полицией и военной кликой. Стремясь обработать общественное мнение в духе, пригодном для прихода к власти фашистской военщины, эта группа об'явила своим лозунгом так называемый «новый японизм и борьбу с коммунизмом и фашизмом». «Борьба с фашизмом» — это лживая маскировочная декларация представителей фашизма в литературе.

Современные самураи усиливают свою разрушительную работу и в области культуры. Революционные и левые культурные организации разгоняются одна за другой. Руководитель революционного культурного движения в Японии, коммунист Корехито Кура Хара все еще отбывает в тюрьме долголетнее заключение. Даже профессора-либералы лишаются кафедры в университетах и просто выбрасываются на улицу.

Однако на том месте, где только что действовала разрушительная рука фашистской военщины, вырастает новая сила — новые люди, готовые отдать себя на борьбу против темных сил реакции. Нет сомнения в том, что передовое искусство выйдет победителем в этой борьбе. Искусство, связанное с народом, стремится к миру и свободе японского народа, оно готово итти на бой против фашизма и войны.

Фашизм — это война. Ландскнехты дуче и фюрера помогают изменнику и предателю Франко уничтожать мирное население Испании, разрушают памятники испанской культуры, хотят превратить страну героического народа в итало-германскую колонию.

Не отстают от европейских громил и их азиатские собратья.

Снова гремят японские пушки в Северном Китае, снова пылают китайские деревни, снова льется кровь народа, защищающего свою национальную независимость от японских империалистов.

Мы приводим здесь карикатуры иностранных художников, показывающие лицо фашизма.

КИТАЙ

—Я не нуждаюсь ни в каких пактах!

«Симпль», Прага.

— Что вы делаете в мирное время?

— Я итальянский делегат на конференции по разоружению.

«Канар аншене», Париж.

АНГЕЛ МИРА ФАШИСТСКОГО ПРОИЗВОДСТВА.

— Притащи лучше из ангара крылья самого большого бомбовоза.

«Симпль», Прага.

Я. ЭЙДЕЛЬМАН

Лицом к лицу

Это день не одного, а двух миров. Им устроили очную ставку, и один из них, старый, уходящий, но лихорадочно цепляющийся за жизнь, изобличен. Застигнутый врасплох, он вынужден был рассказать о себе все без утайки. Теперь перед нами точная «опись» его имущества, точная картина его жизни, быта, нравов, мы проникли в самые «интимные» уголки его души.

Дело абсолютно не меняется от того, что все документы, представленные в книге, охватывают лишь один — случайный — день мира — 27 сентября 1935 г., и что день этот отделен от нас почти двумя годами. Мы легко, без малейшего напряжения устанавливаем его связь с предшествовавшими и последующими днями и воспринимаем его не как механический отрезок, не как деталь, а как конденсированное выражение целого. Мы видим в нем завершение старых дел и зарождение новых событий. Многое или, вернее, все звучит в книге остро-злободневно, кажется выхваченным из вчерашних номеров газет.

Что изменилось в положении колониальных народов за эти два года? Разве анахронизмом звучало бы сейчас сообщение о гибели в Индии десятков детей от холеры и чумы, о пятнадцатичасовом рабочем дне шестилетних детей в ресторанах и гостиницах Бомбея, о жестокой мести индусов «неприкасаемым» за их «дерзкую мечту об обучении своих детей в школах, где учатся дети кастовых индусов»?

Мы взяли наугад первые попавшиеся сообщения, но, не рискуя ошибиться, можно утверждать, что свою «актуальность» сохранила вся без исключения информация «Дня мира» о безрадостной жизни народов Индокитая, Туниса, Марокко, Индонезии и других колоний империалистических держав.

Что изменилось в буржуазном правосудии, просвещении, в политике церкви, нравах, печати, в экономике? Если читатель и заметит какое-либо изменение, то лишь одного порядка: противоречия обострились, темпы загнивания приняли более интенсивный характер, расстановка классовых сил далеко не та, что была полтора-два года назад. Но основа уклада, колорит действительности сохранились. Читатель прочтет те же сообщения о Западе — о собачьих бегах и парадах ослов, о самоубийствах безработных и повальном бегстве крестьян из деревни, о диких кутежах великосветской молодежи и расстрелах забастовщиков; он прочтет те же об'явления в «оздоровленной» печати «Третьей империи» — о книгах, которые научат, «как надо целовать», о «здоровом арийце», ищущем благовоспитанную спутницу жизни и «предпочитающем стройную, полную даму безукоризненной внешности», или о специалисте, который «ищет возможности вжениться в кондитерское предприятие» (т. е. посредством брака вступить в число совладельцев) и т. п.; он снова узнает, что в цивилизованных странах процветает знахарство и что во Франции есть журналы, проповедующие поход против машины, как одной из основных причин... экономического кризиса, что круг «потребителей искусства» на Западе с каждым днем сужается, что в Америке продолжают линчевать негров и т. д. и т. п.

Только один отдел потребовал бы в новой книге коренных изменений. Речь идет, разумеется, об Испании. 27 сентября 1935 г. она была Испанией наступающего фашизма. «День мира» дает яркий снимок действительности, в которой господствовали Роблесы, Марчи, Леруссы и им подобные враги испанского народа. Убийства, аресты, судебный террор, ограбление масс, неистовство церкви, чувствующей, что наступают ее последние дни, биржевая лихорадка. Дикие издевательства цензуры над демократической прессой.

И в то же время — средство, давно испытанное всеми мракобесами: разжигание низменных инстинктов, поощрение разврата, насаждение порнографии, в то же время такие об'явления в «Либераль»:

«Две очень хорошенькие сеньориты, ультрасовременные, экономные. Вызывайте по тел. 1-05-43».

«Две современные сеньориты, нежные, по первому требованию...»

«Прелестная сеньорита, не профессионалка, согласна принять скромного кабальеро...»

В массах растет возмущение против гнили и мрази этой жизни, против произвола капиталистов и помещиков, уже явственнее начинает звучать голос подлинного хозяина страны. Демократия готовится дать отпор. Редактор одного либерально-демократического журнала пишет: «Потеряв веру в людей и в порядок вещей, массы теперь поняли всю несбыточность своих иллюзий и отдают себе отчет в том, что политика... живет не во дворцах, а на улице и общественных площадях».

О революционных настроениях масс рассказывает в письме от 27 сентября 1935 г. в редакцию «Дня мира» Альварес дель Вайо. Последующие события — блестящая победа народного фронта в феврале 1936 г. и героическая борьба против фашистского офицерья — во весь рост выявили нравственную мощь и боевые качества испанского народа. Вступив в законные права хозяина, народ заводит новые порядки в своей стране, очищает ее от паразитов и бездельников, бережно принимает в свои руки великое культурное наследство отцов.

Основная ценность книги в том, что она методично и последовательно разоблачает захватническую политику фашизма, его наглые разбойничьи методы агрессии, его сговор против трудящихся масс, его кровавую роль в подготовке новой мировой войны.

«День мира» возвращает нас к итальянской авантюре в Абиссинии. Мы видим, как инсценируются патриотические парады в Риме, как ведется разнузданная пропаганда об «исторической миссии» фашизма, как слетается к порогу Абиссинии жадное воронье, почувствовавшее запах мертвечины и возможность нажиться. Захлебываясь, описывают фашистские газеты «добровольческое» движение, «мощь» итальянского оружия, «бодрые» настроения армии и издеваются над женевскими миротворцами, над проектом введения санкций против Италии.

Лихорадка вооружений треплет Германию. «Грюне пост» воспевает нюренбергский военный парад. Яростная атака против Литвы в связи с перевыборами ландтага в Мемеле, бешеные нападки на Чехословакию. «Работу и хлеб дадут колонии», гласит воспроизводимый в «Дне мира» германский агитационный плакат. Организуется знаменитая «охота» венгерского премьера Гембеша и Геринга в Восточной Пруссии «на оленей». «Кого символизируют олени?» — гласит надпись под карикатурой в пражском журнале «Симпль», где «охотники» изображены в позе «триумфаторов». Японская газета «Ници-ници» ставит точки над и: «Основной смысл переговоров... сводится к тому, что Германия стремится использовать Польшу и Венгрию против Советского Союза и Чехословакии, особенно, конечно, против СССР».

Но фюрер не только вооружается и ведет дипломатические интриги. Он широко использует в подготовке к будущей войне и гестапо. «День мира» дает ряд интереснейших материалов о деятельности гестапо, об осуществляемых им методах шпионажа.

А вот вести из Японии. Содержание их исчерпывающим образом сформулировано в кратких заголовках (которые, следует отметить, вообще сделаны в книге весьма опытной рукой): «Страною правит сабля», «Фашизация на всех парах», «Противники мира с СССР», «Вопрос решают офицеры» и т. д.

Так выглядит фашизм в свете собственных признаний, в свете данных одного только дня, заимствованных преимущественно из его же печати. Это — голод, нищета, бешеная гонка вооружений, цинизм и жестокость рабовладельцев, это — возврат к пещерному веку, это — война, неминуемая, неизбежная, если зверя не схватить за глотку.

Лучшие умы человечества обеспокоены этим мрачным видением, их неотступно преследует мысль о возможных последствиях хозяйничанья кровавых маньяков. Эта тревога дает себя чувствовать почти во всех записях, сделанных 27 сентября для «Дня мира» рядом крупнейших писателей Запада—Карин Михаэлис, Карлом Чапеком, Жюльен Бенда, Ромэн Ролланом, Генрихом Манном, Стефаном Цвейгом, Эрнстом Толлером и др.

«Завтра, 28 сентября, — пишет С. Цвейг, — я первым делом схвачу газету, чтобы искать ответа на роковой для нашего поколения вопрос: началась ли уже война? Или войны еще нет? Позор для Европы, позор для всего нашего поколения, что мы так смиренно ждем и вопрошаем, вместо того, чтобы самим во всеоружии создать человечеству новую судьбу!»

Стефан Цвейг не замечает тех сил, которые эту «новую судьбу» создают. Но их видит прозорливый художник, благороднейший человек нашей эпохи — Ромэн Роллан. Он страстно нападает на философию фатализма. С глубокой любовью и нежностью вспоминая дни, проведенные в СССР, он говорит о новом человечестве, которое начало бороться «против угнетателей, против несправедливости, против войны, против смерти».

«И если оно может противостоять этим двум силам, — продолжает развивать свою мысль Ромэн Роллан, — это значит, что оно снова завоевало героический оптимизм, радость жизни, веру в жизнь, ибо оно знает, что его руки и его дух, которые сделали его когда-то повелителем огня, которые мало-помалу начинают владычествовать над стихиями, уничтожат и необходимость убивать».

Этим сознанием насыщены и высказывания Генриха Манна. Он подчеркивает, что «от фашизма к войне ведет естественный, неизбежный путь», он сознает, что «только искоренение фашистских диктаторов и трестовского капитала, подкупившего их деньгами, открывает возможности миру». Генрих Манн видит, так же, как и Ромэн Роллан, в международной политике СССР действительную политику мира. Заявляя, что Советскому Союзу чужды какие-либо агрессивные намерения, немецкий писатель усматривает доказательство этого в том, что в СССР идет неустанная творческая работа.

«Бесчинство войны само собою отпадает там, где честно работают. Напротив, в «Третьей империи» вообще не работают, кроме как для достижения нечестной цели — большого разбойничьего похода».

Замечательной иллюстрацией к словам Манна о СССР является последний отдел книги, посвященный жизни и быту Советской страны. Здесь каждая строка говорит о великих победах, возможных только там, где господствует свободный социалистический труд, где личность никогда не вступает в конфликт с обществом, где понятия «родина», «патриотизм» обрели новое содержание, определяющееся тем фактом, что народ является безраздельным хозяином всей страны, всех его богатств.

В письме к М. Кольцову инициатор «Дня мира» великий пролетарский писатель А. М. Горький писал:

«Книга «День мира» затеяна для того, чтобы показать читателю нашему, чем наполнен день мещанства, и противопоставить картине этой содержание нашего, советского дня».

Задача эта выполнена блестяще. Необходимо сделать книгу достоянием широких масс.

«День мира»; Под редакцией М. Горького и М. Кольцова. Стр. 592. Цена 50 руб., Жургазоб'единение. 1937 г.

Ю. ОЛЕША

Смерть героя

Ричарда Олдингтона мы знаем по двум его книгам — «Смерть героя» и «Дочь полковника». На основании этих книг можно было говорить, что Олдингтон принадлежит к тем передовым писателям Запада, которые поднимают голос против капиталистической системы.

Перед нами новый роман Олдингтона — «Все люди — враги», написанный в 1934 году.

Писатель, казавшийся нам близким, написал книгу, пронизанную тенденцией, которая резко расходится с нашим пониманием современности. Олдингтон — член буржуазного общества и к тому же английского. Он может заблуждаться. И такое заблуждение было бы извинительно. Но на этот раз заблуждения нет. Есть именно тенденция. И тенденция эта направлена против социалистической революции.

Роман начинается с изображения детства героя. Что это за детство?

— Никто никогда не говорил Тони, что в Англии есть обширные районы, где дети никогда не видят зеленой травки, где вечный дым скрывает солнце, где дождь черен от копоти, и жизнь подобна организованному аду.

Каковы душевные качества героя? Автор говорит о нем, что «он слишком развит в одних областях, недоразвит в других и совершенно не приспособлен для грубой жизненной сутолоки».

Наступает юность. Герой задумывается о жизни. Старый английский аристократ говорит ему:

— Самое главное — прожить свою жизнь с увлечением.

Герой решает последовать этому совету. Он отправляется путешествовать. Флоренция. Рим. Париж. Герой тонко воспринимает природу, живопись, архитектуру. Мир кажется ему прекрасным и гармоничным. Когда «грубая жизненная сутолока» затрагивает его сознание, он говорит:

...я считаю, что нам следовало бы найти какой-нибудь уголок подальше от Европы, и основать там маленькую колонию, управляемую на надлежащих началах, — мои друзья, ваши друзья и любимые, милые люди...

Тони попадает на остров Эя, в Средиземном море. Это группа утесов, усеянных цветами. Остров Эя! Тони в восторге. По его мнению, на этом прекрасном острове гармония нашла свое предельное выражение.

Затем встреча с девушкой. Любовь. Олдингтон не жалеет красок для изображения этой любви.

У Каты были длинные, прекрасной формы ноги, не слишком узкая и не короткая талия и полные груди. Тони кинулся в воду и почувствовал прохладу, охватившую его до половины бедер. Он протянул Кате руки и крикнул ей: «Иди!» Когда она легко соскользнула в море, груди ее коснулись его плеча и груди, словно бессознательная, чудесная ласка.

Есть даже такая фраза:

Божественное чувство прикосновения достигло своего апогея.

Первая часть заканчивается сценой прощания. Тони провожает свою возлюбленную. Она уезжает домой, в Австрию. Это происходит летом 1914 года, в самый канун войны.

В «Смерти героя» была изображена война. Мы помним эту страстную, полную гнева, грусти, отчаяния и проклятий книгу.

В новом романе войны нет. Есть только воспоминание о ней, принимающее форму сна. Это, пожалуй, лучшее место в книге.

Пол был белый и блестящий и тянулся далеко в пространство. Силы его растаяли от отчаяния при мысли об огромном предстоявшем ему пути, но даже при крайнем напряжении сил он не мог скользить быстрее. Он заметил, что белый пол был сделан из бесконечных рядов мраморных плиток с надписями на них и понял, что это — собор в памяти войны, где они все были похоронены.

Это очень сильно, очень страшно — видение собора, где похоронены все убитые на войне!

Тони не похоронен. Он жив. Тут Олдингтон варьирует ремарковскую тему **о возвращении после войны**. Первым делом Тони хочет восстановить гармонию. Он бросается к статуям, к картинам, к колоннам, к книгам, — ничего не выходит! Все погибло. Гармонии нет.

Он долго глядел на вереницу юношей, думая о других юношах, он видел, как их хоронили, и сам помогал хоронить, а затем вынужден был с недоумением признать, что мрамор потерял для него всякое значение.

Он ищет людей, к которым тянулось его сердце в счастливые дни, когда ему еще не пришлось стать солдатом. Но и в мире людей гармония разрушена. Друг, советовавший ему жить с увлечением, умер. Тони близок к самоубийству.

У меня такое ощущение, словно я разбился вдребезги, упав с крутой скалы, и теперь пытаюсь собрать все кусочки вместе.

Но есть еще одна возможность собрать разбитое. Нужно отыскать ту, с которой его разлучила война. Он отправляется на поиски. Он едет в Вену. Увы! Дом, где она жила, заколочен. Остров Эя! Но и там ее нет. Конец.

Итак, перед нами драма человека, вышибленного из жизни войной. Он потерял душевный покой — «гармонию», он не верит в возможность дальнейшего существования порядка, который привел к войне, он лишился личного счастья.

Не в первый раз трактуется эта тема в современной западной литературе. Тема тупика, поисков выхода. «Фиеста» и «Прощай оружие!» Хэмингуэя посвящены тому же. Олдингтон выражает эту тему в следующих словах:

— Как создать хотя бы относительную гармонию из современных сил и диссонансов?

И в третьей части романа Олдингтон пытается ответить на этот вопрос. Естественно, что, признав порочность капиталистической системы, Олдингтон должен был бы устремить свое внимание на те силы, которые с этой системой борются. Что же происходит?

В третьей части романа изображается всеобщая забастовка в Англии. Герой к тому времени стал деловым человеком, участником крупного предприятия. Как это случилось, неизвестно. Мы застаем Тони дельцом. Он женат, он разбогател. Он продолжает бунтовать, мирное существование подобного рода его не удовлетворяет. Сперва мы сочувствуем этому бунту. Мы предполагаем, что у героя имеются ясные политические установки. Если не капитализм, то, естественно, победа масс, рабочего движения, социализма. Мы помним: у героя есть друг, по имени Робин, социалист. Еще юношей герой вел со своим другом разговоры о классовой борьбе. Может быть, теперь он поймет, где истина.

Но вот разговор между Тони и социалистом Робином.

— Я задыхаюсь от этих вечных политических дискуссий. Я готов поверить, что намерения у всех этих людей хорошие, но не могут же все они быть правы! И я не вижу, как можно достигнуть большей справедливости, мира и счастья на земле, если не увеличится число справедливых, мирных и счастливых людей.

— Совершенно верно, но как их сделать такими?

— Не знаю. Во всяком случае, не путем классовой войны...

Таким образом классовая война не представляется Олдингтону выходом. Но выхода он все же ищет.

— Хорошо, что же это за жизнь, которая тебе нужна?

Тони подумал немного и затем сказал медленно:

— Здесь опять-таки бесполезен язык арифметики или порядочного общества. Поймешь ли ты меня, если я скажу, что жизнь, которая мне нужна, это какие-то поиски жизненных реальностей, бога, быть может, и что для меня бог есть нечто предельно физическое, не духовное, не общественное, не национальное.

Итак, бунт Олдингтона сводится к желанию уйти **в не духовное, не общественное и не национальное**. Куда же? Происходит забастовка. Куда идет герой Олдингтона? В штрейкбрехеры. Он в качестве правительственного волонтера помогает выпуску газеты, типография которой бастует. И этот солдат, участник мировой войны, проклинавший капитализм, или, как он говорил тогда, — «индустриальную машину», — теперь восклицает:

Если народ действительно сорвется с цепи, то многим здорово попадет. Но если у них и много негодования, зато нет оружия. Кроме того, что можно сделать против танков и пулеметов!

От желания уйти в необщественное герой приходит к весьма четкой общественной позиции: он ненавидит революцию. Мощные идеи социализма ему непонятны и враждебны.

Тони чувствовал всеми фибрами своей души, что, если Робин установит диктатуру пролетариата и попытается силой заставить его работать, он сбежит за границу, если это будет возможно, если же нет, то он скорее предпочтет, чтобы его расстреляли...

Затем совершается нечто такое, что делает позицию автора просто комической. Решив, что ни капитализм, ни диктатура пролетариата ему не по вкусу, Антони Кларендон отправляется путешествовать. Благо, он человек богатый, рантье, обладающий текущим счетом в нескольких банках Европы. Опять остров Эя. И теперь уже, разумеется, на чудесном острове обретается затерянная Ката.

Опять сцена купания.

Какой ты красивый, — сказала она, — у тебя широкая грудь, сильные ребра и бока гладкие, как чудесный полированный металл. Как хорошо быть любимой красивым мужчиной, Тони!

Вспомним «Смерть героя». Там юноша в каске, несчастный юноша, стал во весь рост под пулеметным огнем, чтобы быть убитым. Теперь он превратился в красавца с широкой грудью и гладкими боками. Ложь! Тенденциозная ложь!

Что стало с Олдингтоном! В «Смерти героя» он восклицал:

— Чудная старая Англия! Да поразит тебя сифилис, старая сука.

Ты из нас сделала мясо для червей! А теперь что он пишет?

Тони закрыл за собой дверь, а затем открыл ее снова и просунул голову.

— Ката...

— Что такое?

— Я хотел бы, чтобы в этой комнате было длинное зеркало до полу.

— Зачем это?

— Чтобы ты могла видеть себя в своем желтом джемпере и голубых штанишках. Это очаровательно.

Вот выход из тупика, найденный Олдингтоном: не обращать внимания ни на что. Закрыть глаза. Классовая борьба? Чепуха, политиканство. Рабочий класс борется с капитализмом? Чума на оба ваши дома! — цинично заявляет герой Олдингтона.

Вспомним «Прощай оружие». И там пытался человек, истерзанный войной, найти успокоение в любви. Но умерла женщина, и умер ребенок, которого она родила. Ночь и одиночество охватили героя. Нет выхода из черной ночи капитализма. Не может быть в ней счастья. Только гибель и смерть. Этот пессимизм, по крайней мере, говорит о честности писателя. Неумная же книга Олдингтона просто отталкивает.

— Не будем слишком заглядывать вперед, моя Ката. Заглядывая вперед, мы должны будем увидеть и наш конец... Будем довольствоваться сегодняшним днем, нам этого достаточно.

Довольствоваться сегодняшним днем! Таков призыв Олдингтона. Вот когда, действительно, можно говорить о смерти героя.

Ричард Олдингтон. Все люди враги. Роман. Перев. с англ. В. Дуговской и Е. Лопыревой. Под ред. М. Дьяконова. Госпитиздат. 1937. 593 стр. 8 р. 25 к. Тираж 10.300.

А. ЖАРОВ

«Граница»

Поэма Сергея Васильева

В библиотеке «Огонек» вышла книжечка молодого поэта Сергея Васильева. В нее включены стихотворения, о которых уже писалось и говорилось (напр. «Застольная песня»). Включены и новые работы.

Среди них следует отметить одну, на мой взгляд, наиболее значительную. Это — маленькая поэма на оборонную тему под названием «Граница».

Автор от лица советского пограничника ведет простой и взволнованный рассказ о небольшой стычке двух пограничных бойцов с нарушителями границы.

В лирическом вступлении, рисующем несколькими скупыми штрихами весну на рубеже, хорошо передано ощущение напряженной тишины, настороженности.

Тишину подчеркивает и «талый запах тяжелого снега», и «невидимый бег воды», и «посвистывание волчьи следы».

«На прогалинах стала трава
зеленеть.
И сверкала за дальним откосом
река,
Как студеная грань у штыка».

Два друга-пограничника вместе с «преданным им, прославленным псом «Незабудка», заслышав шорох, залегли в кустах в ожидании незваных гостей.

«Много хитрости разной
В лесах рубежа»

Очередная хитрость предстала в таком виде: с вражеской стороны

«качаясь, таща корневища
кривые,
пять лохматых кустов подплывали
на дыбки.
И пошли по прямой, словно звери
живые.
Передвинутся. Встанут. И снова
в поход.»

Кустообразные нарушители перешли советский рубеж. Можно было стрелять по ним. Обратить их в бегство. Но важнее взять врагов живыми. Пустили их в глубь нашей территории. Открыли стрельбу по ногам одним. На других яростно набросился пес «Незабудка». Четверо сдались. Пятый бежал.

Погнавшись за ним, один из пограничников — Алексей — пал жертвой коварства врага.

Поэтическое разрешение темы дано в концовке:

«Мы несли Алексея в открытом
гробу.
Первый гром разорвался над тихой
заставой.
Первой каплей весна
Раскололась на лбу».

Торжественно-приподнятые строки о шествии товарищей, несущих бессмертие Алексея, шествии командиров и пионеров, которые «на сафьяне несли его боевое оружие», — плавно переходят в лирически-мягкое воспоминание:

«И припомнилось, что Алексей
получал
Из Воронежа письма в зеленых
конвертах.
И ответы писал по двенадцати
листов.
И закладывал
Каждый из них резедою.»

Но не сентиментальностью, а нежной любовью к жизни веет от облика Алексея. Вместе с этой любовью к жизни, по мысли автора, только любовь к родине полноластно владеет сердцем советского пограничника.

Любовь к жизни и любовь к родине. Оба эти чувства не умирают со смертью одного из нас. Они остаются живыми среди народа, среди близких и друзей, говорящих:

«Доживем за него, дострадаем, долюбим!»

— Дорадуемся! — хочется сказать читателю в тон заключительных строк поэмы:

«Хлынул дождь. Он пошел по
полям стороной,
По озимым хлебам, над колхозным
привольем,
Разбиваясь о крыши, свисая по
кольям,—
Плодоносный, весенний, косой,
проливной»...

Надо сказать, что образ Алексея, центральный образ поэмы, мог бы быть ярче, если бы С. Васильев сумел показать его не в двух планах, а несколько многосторонней и полней.

В упрек поэту надо поставить и недоработанность, тяжеловесность отдельных строк, вроде:

«рушилась мгла,
налагая на землю оковы запрета».

Это вычурно и плохо. Совсем некстати иногда и желание щегольнуть внутренней рифмой, например в строке:

«обернулся и выстрелил гад
наугад».

И рифма не богата, и щегольство не велико, а смыслу явный ущерб. «Гад» обернулся и выстрелил не «наугад», а с расчетом. Если бы Алексей был жертвой случая, то вся поэма должна была бы строиться иначе.

Несмотря на эти недостатки, поэма «Граница» в целом — удача Сергея Васильева, показывающая его несомненный рост.

■ ■ ■

Вторжение в Испанию войск Наполеона, сопровождавшееся разгулом военщины, варварским избиением мирного населения, зверствами над женщинами и детьми, насилиями и расстрелами, потрясли испанского художника Франсиско Гойю. Совершенно изменились его мироощущение, характер его творчества.

Свой протест против ужасов войны художник выразил в графическом цикле: «Бедствия войны» (1810—1813). Трагичность сюжетов, реалистичность и особая напряженность трактовки делают такой офорт, как «Варвары», современным и актуальным. Прошло больше 125 лет с тех пор, как он появился, но он кажется написанным вчера, кажется, что этот живой Гойя пламенно протестует против зверств, творимых сейчас на его родине фашизмом.

«Варвары»
Офорт из серии «Бедствия войны» Франсиско Гойя.

К. КАЙТАНОВ

Двойной затяжной прыжок

Из записок летчика-парашютиста

■ ■ ■

28 июля в Ленинграде известный парашютист-орденоносец старший лейтенант К. Ф. Кайтанов поднялся в воздух на самолете, пилотируемом летчиком М. И. Скитевым.

На высоте 10.200 м. Кайтанов приготовился к прыжку, а на высоте 9.800 м. отделился от самолета.

В 8 часов 44 минуты т. Кайтанов благополучно спустился близ Ленинграда, установив новый абсолютный мировой рекорд высотного прыжка с кислородным прибором.

Ниже мы печатаем отрывок из «Записок летчика-парашютиста» К. Ф. Кайтанова, которые полностью появятся в журнале «Знамя». В помещаемом отрывке т. Кайтанов рассказывает о своем первом двойном затяжном прыжке с отстегивающимся в воздухе парашютом.

■ ■ ■

Как-то в одном из журналов я прочел о том, что за границей был произведен двойной затяжной прыжок с отстегивающимся в воздухе парашютом.

Парашютист, выбросившись из самолета и пройдя затяжным прыжком несколько сот метров, открыл парашют, затем отцепил его и снова камнем полетел вниз. В 300 метрах от земли он открыл второй парашют и на нем благополучно приземлился.

— Интересно было бы совершить такой прыжок, — подумал я.

В августе 1934 года, возвращаясь из отпуска, который я провел в Севастополе, я остановился на несколько дней в Москве.

Зашел проведать своего старого приятеля, товарища Мошковского. После первых обычных в таких случаях восклицаний, дружеских похлопываний по плечу, разговор естественно перешел на близкую нам тему — о делах парашютных.

18 августа в Москве должен был состояться большой авиационный праздник. Товарищ Мошковский рассказывал о нем с большим воодушевлением.

Перед праздником должна была состояться большая репетиция, и Мошковский предложил мне принять в ней участие. Увлечение, с каким Мошковский говорил об авиационном празднике, не могло, конечно, не найти сочувствия в сердце другого парашютиста. Я принял его предложение.

В начале я думал, что буду только зрителем, но неожиданно выяснилось, что и я смогу быть активным участником праздника.

Товарищ Мошковский как бы вскользь упомянул, что у него имеется парашют, который отстегивается в воздухе. Не воспользуюсь ли им я для участия в репетиции к празднику? Надо ли говорить, с какой радостью принял я это предложение?

Репетиция была назначена на 3 августа. В этот день вся Москва устремилась на аэродром в Тушино. Сотни автобусов и легковых машин, тысячи велосипедов и мотоциклов заполнили асфальтированный путь Ленинградского шоссе.

Чем ближе к аэродрому, тем поток становился больше. Растекаясь ручьями, все устремлялись к воротам. Многие безбилетные, не попав на аэродром, расположились вокруг него. Они захватили с собой патефоны и гитары, — на лугу образовались веселые живописные группы.

Я всегда с особым радостным чувством гляжу на такие массовые сборища. Каждый из этих тысяч людей, пришедших посмотреть на достижения нашей авиации, кажется мне родным и близким. В этот день была только репетиция к празднику, но все же народу пришло очень много. Можно себе представить, сколько десятков тысяч москвичей посетит самый авиационный праздник!

И что еще интересно отметить, — наш гражданский энтузиаст прекрасно научился разбираться в погоде. В этот день небо было облачным, дул небольшой ветерок, и все же москвичи знали, что и в такой день наши летчики и парашютисты работу не приостановят.

По условию, прыгнув с высоты около 2000 метров и пройдя затяжным прыжком 700—800 метров, я должен был открыть парашют, опуститься на нем метров на 150, отцепиться от него и снова падать затяжным прыжком, стремясь сделать затяжку как можно длиннее.

Самолет, оторвавшись от земли, начал набирать высоту. Я стал смотреть вниз. Аэродром казался живым муравейником. Было непостижимо, как они там внизу ухитряются не наступить друг на друга. Репетиция уже началась, а приток людей не прекращался. Казалось, что какой-то магнит тянет сюда всех москвичей.

Подняв руку, летчик указывает мне на облака. Мы подобрались к ним вплотную. Казалось, что облака сейчас лягут на крылья самолета, покроют нас белесым туманом, и мы ничего не сможем увидеть.

Высота 1000 метров — и это все. Выше подниматься нельзя.

— Что делать?

— Снижаться? — спрашивает летчик.

Снижаться — значит упустить такой прекрасный случай. Неизвестно, когда он еще повторится.

— Буду прыгать!

Даю летчику сигнал, а сам начинаю готовиться к прыжку. Осторожно выбираюсь из кабины и отталкиваюсь.

Когда по моим подсчетам пропадал триста метров, я перевернулся на спину и раскрыл нагрудный парашют. Змейками промелькнули белые стропы. Сильный рывок, и парашют раскрылся.

Вслед за тем произошло что-то совершенно неожиданное. По всем правилам парашют должен был начать плавное снижение, как вдруг я почувствовал, что металлические застежки, соединявшие меня с подвесными лямками парашюта, не держат его. Парашют, ничем со мной не связанный, стал от меня отделяться. Инстинктивно одной рукой я схватился за лямки удаляющегося парашюта, но, конечно, удержаться не мог. Парашют тянула сила в сотни раз сильнее моей. Вырвавшись, парашют, играя стропами, стал удаляться, а я полетел вниз.

Ничего подобного со мной еще не было. На какую-то долю секунды меня охватил страх, но вслед за тем мелькает мысль.

— У меня есть еще один парашют.

Перевертываюсь вниз головой. До земли осталось метров 600. Решаю падать затяжным прыжком еще метров триста. Когда до земли осталось метров 250, я нащупал рукой вытяжное кольцо и выдернул его.

Снова промелькнули белые змейки строп. С каким-то особым вниманием ожидаю рывка. Похоже на то, что я вновь переживаю свой первый прыжок. Молнией мелькает мысль, «а вдруг и этот парашют вырвется». Сильный рывок потрясает все мое тело. Парашют раскрылся. Начинается плавный спуск.

Поправляя стропы, я ощутил острую боль в правой руке. Очевидно, я ее поранил об острые концы лопнувших металлических застежек улетевшего парашюта. Вся рука в крови. Боль становится все сильнее. Сразу-же после приземления под'ехала санитарная машина, и тут-же мне сделали перевязку.

Меня попросили выступить перед микрофоном и рассказать собравшимся на аэродроме о своем прыжке.

Вот я и на трибуне. Все происходит необычайно быстро — не успел я оправиться от пережитого в воздухе, как неожиданно я оказываюсь перед двумя микрофонами.

Выступать перед микрофоном мне еще не приходилось. Волнуясь, я нагибаюсь к микрофону и не говорю, а кричу. Не зная, куда деть руки, одну кладу в карман, а другую — на микрофон. Какая-то женщина очень тактично поправляет мою ошибку.

Я рассказал собравшимся москвичам о том, что произошло в воздухе. Рассказывая, я как бы заново чувствовал то, что несколькими минутами раньше я пережил, когда хватался за улетающий от меня парашют.

А. ЛЕЙТЕС

Литературные каннибалы

— 1 —

Некий Рио Козелли, завзятый коллекционер, директор итальянской кинофабрики, собирает библиотеку, руководясь определенным принципом: он включает в нее только скучнейшие книги мира. Несмотря на столь своеобразный отбор, библиотека Козелли быстро разрастается; она уже выросла до 8.000 томов. Выросла она преимущественно за счет последних новинок фашистской литературы. Это наводит особую панику на некоторых итальянских авторов, поскольку чудак-коллекционер ежегодно публикует список свежих поступлений своей библиотеки. Год назад один фашистский поэт, полное собрание стихов которого (11 томов) Козелли включил в свою библиотеку, раз'ярился настолько, что даже вызвал последнего на дуэль.

Случай курьезный, анекдотический. Но разве не показательны и такие курьезы для современной итальянской литературной действительности?

Где, как не в фашистской Италии, могла возникнуть идея такого необычного коллекционирования? Очень скучна так называемая «художественная» литература чернорубашечников.

Фашистские писаки пытаются изобразить итальянский народ процветающим под властью «дуче». Невыносимо фальшивы эти попытки. Фальшь всегда и скучна и антихудожественна. И вот из года в год итальянские книгопродавцы отмечают все более и более резкое падение читаемости фашистской художественной литературы. Несколько лет назад делегаты общеитальянского литературного конгресса в Болонье выдвигали законопроект об ограждении своего читателя от переводной беллетристики, «побивающей» отечественную литературную продукцию. Ничто не помогло. Ни настойчивый протекционизм, ни искусственные средства, ни административные меры не оказались в силах повысить интерес читателя к скучной, фальшивой и грубой продукции песнопевцев фашизма.

Она скучна, ибо боится живой действительности и подменяет ее грубыми фальшивками, сдобренными напыщенной декламацией. Она антихудожественна, ибо авторы ее ненавидят человека и боятся изображать самые обычные человеческие переживания.

Фактобоязнь, помноженная на человекобоязнь и человеконенавистничество, — таково кредо даже тех беллетристов, которые считаются у фашистов лучшими.

В 1934 году получил высшую премию на спортивном и артистическом конкурсе роман «Телец Манхетена» Вирджиллы Строппа. Этот роман всячески избегает изображения конкретной итальянской действительности. Автор его, вместе со своими бесконечно рассуждающими, выдуманными персонажами, предпочитает многословно и туманно обличать «грубую» «материалистическую» цивилизацию Соединенных Штатов. Но вот один из главных героев этого романа, фашист Орио, начинает разглагольствовать о своих собственных фашистских идеалах, и сразу обнаруживается, что они, эти «идеалы», сводятся к самому беспардонному и циничному поношению человека.

«Человека больше не будет... Останется только рабочая сила и ее повелители... Человек мне опротивел... Мне грезится легион гениальных автоматов, выступающих в полном молчании против леса и болота», — так рассуждает «итальянец новой формации» — Орио, этот положительный персонаж итальянской фашистской литературы.

Им опротивел человек. Они мечтают о том, что «человека больше не будет». И они охотно населяют свою унылую литературу тупыми, беспрекословными манекенами, автоматами, лишенными жизни и страсти.

— 2 —

Впрочем, в этих манекенах иногда пробуждаются и страсть, и жизнь, и веселье. Это тогда, когда речь заходит о грабительской войне, об ожесточенном мордобое, о кровавой потасовке.

«Я наносил в бешенстве удары и стал душить его изо всех сил, пока под моими кулаками его лицо не стало бледнеть, пока глаза его не выступили из орбит и пока он не испустил наконец духа. Тогда я вскочил и выбежал, шатаясь. Меня стало пронизывать необ'яснимое чувство счастья. Я думал о том, что именно так должен себя чувствовать человек, который выполнил задачу всей своей жизни».

Так рассуждает герой романа «Замок Венгрии» Эбергарда-Вольфганга Меллера. А роман этот не только получил в «Третьей империи» национальную премию по художественной литературе, но и, по буквальному отзыву чиновников Геббельса, «превзошел все когда-либо пред'являвшиеся в Германии к художественному произведению требования»!..

Это один из многочисленных образцов фашистской литературной стряпни, где звериный инстинкт воспевается как нечто, «пронизывающее человека неописуемым чувством счастья». Отнюдь не случайно обилию погромных и кровожадных сцен в этом фашистском романе неизменно соответствует обилие восторгов в фашистской прессе. Человеконенавистничество становится своеобразным «эстетическим» критерием для фашистских приемщиков художественной литературы.

С этим критерием каннибалы из геббельсовского министерства пропаганды проникают во все закоулки «культурного» фронта «Третьей империи».

«Предположим, что вес бомбы составляет пятнадцать килограммов. Сколько таких бомб может взять бомбардировщик, если его полезная нагрузка 1000 килограммов?»

«Сколько произойдет пожаров, если из всех бомб только одна треть попадет в цель и притом только 20 процентов из них вызовут пожары?».

Этими недвусмысленными задачами открывается невинный учебник арифметики, предназначенный фашистскими издательствами для юных школьников и школьниц.

Сладковатым запахом иприта воняет от школьной хрестоматии современной Германии. Бомбами начинен даже арифметический учебник «Третьей империи». Что же сказать о беллетристике, о драматургии, о поэзии, предназначенной для взрослых германцев призывного возраста!

«Все для войны, все через войну». Этот неприкрытый лозунг германских фашистов называется на их специфическом языке «пропагандой тотальной войны». Они не довольствуются воспеванием малой войны. Их уже не удовлетворяют даже те кровавые гекатомбы из детских трупов, которые воздвиг итальянский и германский фашизм на земле благородного испанского народа. Неутомимое воображение фашистов тянется еще к более грандиозной бойне, к такой бойне, которая бы смогла по своему размаху превзойти предыдущую империалистическую войну 1914—18 гг.

Фашистские писаки из кожи лезут вон, чтобы психологически подготовить своего читателя к такой всеуничтожающей бойне. Главными персонажами современной фашистской беллетристики становятся палачи, изверги, сутенеры, шпионы. Любимейшим фоном этой литературы оказывается империалистическая война, причем фашистские романисты предпочитают рыться на ее самых грязных задворках. Впрочем, размах минувшей бойни кажется им недостаточным. Как вороны в поисках падали, рыщут они по полям минувших битв. Туда, где пахнет грабительской войной, шпионажем, диверсией, с особым восторгом устремляются фашистские борзописцы.

Вальтер Хейер прославляет шпиона-разведчика Карла-Ганса Лоди, расстрелянного в 1918 году в Лондоне за диверсионную работу в английском военном флоте (пьеса «Лоди»). Другой драматург смакует победу германской разведки, с помощью которой царский генерал Самсонов был разгромлен под Таненбергом (пьеса Ганса Гопша «Другой полководец»). Некий Михаил Гаупт превозносит зверства белогвардейца Унгерна-Штернберга в Монголии («Крестовый поход 1921 года»). Вальтер Гильбрихт воспевает убийство Марата (пьеса «Шарлотта Корде»).

Развязные литературные агенты германской военной разведки устремляются к далеким временам средневековья, чтобы здесь описаниями кровожадных битв жестокосердых тевтонов утолить свою фантазию.

Они бы с неменьшим увлечением настрочили десяток романов из жизни доисторических чудовищ, если бы они что-либо понимали в истории развития животного мира. Впрочем, они мобилизовали для этой цели нескольких историков первобытной культуры, нескольких горе-философов, вроде Циглера, который написал восторженный панегирик войне, пробуждающей в человеке атавистические инстинкты.

«Животное лежит в основе бытия человека... На войне более голо, чем когда-либо, прорывается сущность человека, полная необузданности развязанных влечений... В войне истинный человек вознаграждает себя за все упущенное...» — так, восторженно заплетаясь, восклицает Циглер. И этот человек считается у фашистов теоретиком по вопросам воспитания юношества!

— 3 —

С ужасом предсказывал когда-то Герцен появление «Чингисханов с телеграфами». Современные Чингисханы вооружены более сложной техникой, которой не мог предвидеть даже Герцен. Это не только техника ротационных машин, на которых фашистские варвары печатают свои человеконенавистнические бульварные романы. Это не только техника бомбометания, в которой гитлеровские молодчики упражняются над территорией Испании. Это — сложная и утонченная техника маскировки.

Специальные германские заводы, выделывая взрывчатые вещества, снабжают свою смертоносную продукцию нежными успокоительными названиями. «Средством от головной боли» назвала фирма Шер-Кольбаум один из особо ядовитых и удушливых газов. «Поваренной книгой» окрестили на заводе д-ра Шольценберга наставление для офицеров рейхсвера. А химический концерн «И. Г. Фарбен-Индустри» выпустил особо смертоносное отравляющее вещество в парфюмерной упаковке, на которую предусмотрительно наклеена этикетка «Идеал».

По этой же системе фашистские литераторы от времени до времени выпускают свою литературную продукцию в этакой «идеалистической» упаковке. Слишком отвратителен их подлинный лик в глазах каждого мыслящего человека. Вот почему появляются в фашистских издательствах и идиллические повести, посвященные сельскому быту, и как будто мирные производственные романы. Но эти сельские идиллии на поверку оказываются гимнами труположеству (роман Ганса Фаллады «У нас был ребенок»), а производственные романы обнаруживают, по внимательном рассмотрении, свою сугубо милитаристскую сущность. Сравнительно недавно в «Третьей империи» вышел роман под скромным заголовком «Анилин». В подзаголовке сказано, что роман посвящен красильной промышленности. Между тем «Анилин» представляет собою беллетризированный путеводитель по отравляющим веществам химического концерна «И. Г. Фарбен Индустри» — одного из крупнейших центров фашистской военной промышленности.

Среди гнусных образцов фашистской литературы эти «идиллические» романы с их напыщенным слащавым языком особенно омерзительны.

«Имеем ли мы право ненавидеть этих неизлечимых дегенератов, выродков человечества, эту безответственную международную шайку явных преступников, которые наверно попробуют натравить свой «народ» и на государство строящегося социализма?» — спрашивал великий пролетарский писатель Алексей Максимович Горький и отвечал: «Подлинный, искренний революционер советских социалистических республик не может не носить в себе сознательной, активной, героической ненависти к подлому врагу своему» («Пролетарская ненависть»).

Этой сознательной, активной, героической ненавистью к подлому врагу пламенел до конца своей жизни великий Горький. Эта героическая ненависть — основа подлинного гуманизма — освещает сейчас путь лучших литературных представителей человечества на всем земном шаре. Об этом говорит эхо 2-го Международного конгресса революционных писателей в Валенсии, в Мадриде, в Париже. Об этом свидетельствует расцвет антифашистской художественной литературы во всем мире.

Враждебная книга

Письмо из Ленинграда

Появлению повести Н. Гирей «62 параллель» в журнале «Литературный современник» предшествовали в Ленинграде немалая реклама и ажиотаж.

Редактор «Литературного современника» т. М. Казаков всячески превозносил достоинства повести; не скупились на похвалы в своих рецензиях критики В. Друзин и Р. Мессер (последняя даже нашла в себе завидную смелость поставить вопрос о том, создает ли повесть Гирей... «направление, школу, стиль»!); правление ленинградского отделения ССП еще до опубликования повести организовало обсуждение ее, прошедшее тоже в довольно «мажорном» тоне, и поспешило зачислить Гирей в кандидаты союза.

Не приходится удивляться тому, что от всех этих похвал потерял равновесие и директор Ленгослитиздата т. Орлов: он торжественно обязался включить «62 параллель» в юбилейную серию к двадцатилетию Великой пролетарской революции!

Но вот во всю эту шумиху врезывается голос т. А. Макаренко, убедительно доказывающего на страницах «Литературной газеты», что повесть Н. Гирей — дурнопахнущее произведение, клеветнически искажающее социалистическую действительность.

Ленинградские писатели и критики спохватились.

На обсуждении повести, организованном после появления статьи А. Макаренко, выяснилось, что для части литературной общественности Ленинграда порочность «62 параллели» была очевидна и раньше. Почему же эти товарищи молчали? Неужели нехватило мужества пойти «против течения»?

Как бы то ни было, но на обсуждении повесть Гирей подверглась очень резкой критике. Тт. Лесючевский, Шабанов, Владыкин, Дымшиц и Ричиотти вскрыли фашистско-кулацкое нутро произведения, в котором, как подчеркнул в своем заключительном слове т. Лесючевский, автор слишком охотно предоставляет своим персонажам трибуну для произнесения контрреволюционных речей.

Ораторы единодушно указывают, что в повести, якобы посвященной теме социалистического освоения Севера, абсолютно отсутствует не только партия, как творческая, направляющая сила, но и вообще социалистическое строительство и советские люди. Враг в произведении Гирей «романтизирован», идеализирован, им явно любуется не только секретарь парткома Ганичев, показанный, между прочим, как слюнтяй и «шляпа», но и сам автор. «Перековка» кулацкого сынка Шовкошитного показана так, что она воспринимается как неприкрытое издевательство над социалистическими отношениями, над социалистическим трудом. Правильно отметил в своем выступлении т. Дымшиц, что над повестью довлеют дурные традиции и, в частности, традиции сборника «Белморстрой», где перестройка врага показана как очень простой и легкий процесс.

Заслуживает удивления характер высказываний тт. М. Козакова, И. Оксенова (первого рецензента «62 параллели»), Айнштейн (редактор сектора начинающего автора) и В. Друзина. Ничего членораздельного они не сказали. Вместо прямого признания своей вины и серьезного пересмотра своей ошибки были одни только оговорочки, гибкие формулировочки и дипломатические увертки.

Особенно возмутителен был легкомысленный тон В. Друзина. Его рецензия, изволите ли видеть, носила захваливающий характер потому, что «писалась в спешке», в порядке «выполнения заказа редакции». Нечего сказать: принципиальная постановка вопроса!

Такие выступления свидетельствуют о том, что еще не все наши критики умеют извлечь нужный политический урок из такого позорного факта, как появление вреднейшего, враждебного произведения на страницах советского журнала.

Л. ВИЧ

Улита едет...

Профиздату нужна помощь

Профиздат еще в начале этого года задумал издание специальной серии книжек под названием «Пропаганда художественной литературы в клубах».

В эту серию, предназначенную для руководителей литкружков и клубных работников, включены книжки о М. Горьком, Ромэн Роллане, В. Маяковском, А. Барбюсе и семи поэтах-орденоносцах национальных республик: Г. Табидзе, Я. Купале, Г. Лахути, С. Вургуне, Сулеймане Стальском, Джамбуле и Наири Зарьяне.

Однако до сих пор пущены в производство только две книги: о Сулеймане Стальском и о А. Барбюсе. Рукописи остальных книжек не сданы авторами, несмотря на то, что договорные сроки давно истекли. Не выполнили своих обязательств: Д. Смольянинов, пишущий об А. М. Горьком, А. Сурков, обещавший сдать статью о творчестве Маяковского еще в апреле, Н. Немченко, которая в июне должна была сдать рукопись о Р. Роллане, и А. Аршаруни, не сдавший своей работы о Лахути.

До сих пор издательство... «не может найти компетентных авторов» для книг о Галактионе Табидзе, Янке Купале, С. Вургуне и Наири Зарьяне.

Союз советских писателей СССР в свое время образовал комиссию в составе М. Розенталя, М. Борского и других, которая должна была помочь Профиздату в осуществлении задуманной им серии. Ничего комиссия союза писателей до сих пор не сделала, некоторые ее члены вообще выбыли.

ССП СССР едва ли не следует создать в помощь Профиздату новую комиссию.

А. ГОБЕР

Беранже в издании Музгиза

Композитор Иван Шишов закончил серию песен Беранже для голоса и фортепиано. В эту серию вошли 25 песен, пользовавшихся наибольшей популярностью при жизни поэта.

Ив. Шишов писал музыку на основе подлинных мелодий, на которые распевались песенки Беранже.

Простота и ясность, своеобразная пластичность, свойственная характеру французских народных песен, делают мелодии особенно интересными и создают своеобразный эстрадный жанр, который у нас почти не насаждался.

В серию вошли сатирические, антиклерикальные, лирические и застольные песенки, в том числе: «Сверчок», «Улитки», «Двойная охота», «Слепой скрипач», «Старый фрак», «Ласточки», «Друг Робен», «Сосед», «Приходские певчие», «Чудесный скрипач» и др.

Издание Музгиза восполнит недостаток в репертуаре эстрадных исполнителей, нуждающихся в подобном жанре.

И. К. Айвазовский. Портрет маслом работы худ. Тыранова 1841 г. (Третьяковская галлерея).

И. К. Айвазовский

К 120-летию со дня рождения

29 июля исполнилось 120 лет со дня рождения великого русского художника-мариниста Ивана Константиновича Айвазовского. Ему было 20 лет, когда состоялась первая выставка его художественного творчества.

Вместе с английским художником Тернером Айвазовский является родоначальником школы пейзажистов и маринистов, воспевающих морские пучины, сияние солнца, пожары и взрывы кораблей. Для них обоих вселенная была существом живым, разумным и страстным.

Айвазовский родился на берегу моря, в Феодосии. Яркие краски Крыма, глубина и простор морской стихии были его первыми впечатлениями. Он обладал громадной зрительной памятью, острой восприимчивостью и крупным художественным мастерством.

Крайне характерно, что Айвазовский, этот типичный представитель романтической школы, еще в конце 60-х годов предвосхитил не только красочную гамму импрессионистов, но и самую трактовку ими солнечного света. Пример тому — его картины «Керченский пролив», «Солнечный день» и др.

Из современников наиболее высокую оценку дали Айвазовскому его великий предшественник Тернер и русский художник Крамской.

Личная жизнь Айвазовского была богата впечатлениями. Он много путешествовал, был знаком с крупнейшими представителями науки и искусства своего времени. Еще в детстве он встречался в Петербурге с Жуковским, Крыловым, Пушкиным, Брюлловым, Глинкой, впоследствии — с Гоголем, Тернером, Иорданом. Все эти встречи нашли отклик в его творчестве. Особенно любил он нашего национального поэта Пушкина, которому посвятил целую серию известных картин.

Предпочитая занятия искусством и общественную работу шумихе столичной жизни, Айвазовский уехал из Петербурга и навсегда поселился в родной Феодосии, где жил и работал до конца жизни. Вокруг него сплотилась группа художников — Лагорио, Богаевский, Феслер и др., которые впоследствии прославились далеко за пределами нашей страны.

В широких массах народа велика потребность видеть отражение в искусстве живой природы, поэтому нам близок Айвазовский — большой художник, воспевший природу и умевший будить общественную мысль.

Несколько картин Айвазовского посвящены Пушкину. На слова поэта «Погасло дневное светило» написана картина «Гурзуф после заката» (находится сейчас на Пушкинской выставке в Историческом музее). Стихотворению «Прощай, свободная стихия» посвящена картина «Пушкин на берегу Крыма», написанная совместно с Репиным. Известны также картины Айвазовского «Пушкин на Ай-Петри», «Пушкин у Аю-Дага», «Пушкин с Раевским» и две картины, изображающие Пушкина, любующегося бушующей стихией Черного моря.

ЭЛ.

Кола Брюньон шлет привет из Москвы

Письмо Ромэн Роллана

Ленинградский художник Евгений Кибрик, иллюстрировавший книгу «Кола Брюньон» в издании Ленгослитиздата, получил письмо от Ромэн Роллана, в котором знаменитый французский писатель, между прочим, пишет:

«Если издательство может предоставить один экземпляр из полагающихся мне авторских экземпляров «Кола Брюньон» мэру города Клямси для библиотеки города, то мэр, старый коммунист и прекрасный человек, будет очень рад, как и муниципалитет, что их соотечественник Кола приносит им привет из Москвы».

Город Клямси — родина Ромэн Роллана и место действия в его книге «Кола Брюньон».

Ленгослитиздат выполнил просьбу Ромэн Роллана.

Гнилая практика Гослитиздата

Гослитиздат не в пример другим издательствам не может пожаловаться на то, что советская общественность, советская печать уделяют мало внимания его деятельности, слабо критикуют его недочеты. За последние полтора года о Гослитиздате писалось больше, чем о каком-нибудь другом издательстве.

Резкой критике гослитиздатовская работа подвергалась на страницах «Правды» и «Литературной газеты».

Печать неоднократно указывала руководству издательства на его крупные политические ошибки, выразившиеся в издании контрреволюционных, вредных и чуждых советскому читателю книг.

Печать критиковала деляческую линию издательства и принципы работы его директора т. Накорякова и главного редактора т. Луппола. Печать сигнализировала о притуплении политической бдительности у гослитиздатовского руководства.

Однако все сигналы издательством не были услышаны. Тт. Накоряков и Луппол не сделали из них выводов.

До последнего времени работа гослитиздатовского аппарата не была пронизана духом большевистской идейности и непримиримости.

Деляческие соображения по сию пору являются в гослитиздатовской практике если не решающим, то существенным фактором. О том, какую громадную роль играют они в деятельности Гослитиздата, красноречиво свидетельствует хотя бы злополучная, вызвавшая возмущение всех читателей история с гоголевским шеститомником.

Показателен в этом отношении и ответ т. Накорякова на вопрос сотрудника «Литературной газеты» о целесообразности переиздания книги перевальца Вихрева «Палех»: «Мы вложили в эту книгу много денег. Нужно оправдать».

Ярко проявляется деляческая политика гослитиздатовских руководителей во взаимоотношениях с писателями. Руководство издательства должно — и это одна из его основных задач — организовать писателей, руководить их творчеством, воспитывать их, находить и выдвигать новые авторские силы. Наша печать много раз писала о никуда негодной работе с молодыми писателями. Но издательство не подумало о привлечении новых кадров редакторов, о коренном изменении состава работников.

Ничем иным, как результатом деляческой политики, нельзя об'яснить и безобразное оформление Гослитиздатом многотиражных изданий.

Массовая книга стоит дешево. Так стоит ли на нее тратить много сил и времени? — рассуждают гослитиздатовские работники.

Но экономя и получая барыши за счет читателей, руководство издательства весьма щедро раздает авансы. При этом зачастую не учитывается ни действительная нуждаемость автора, ни значимость его творчества. Так, например, автору клеветнических книг Б. Пильняку «мягкосердечный» издатель выдал больше 70 тысяч рублей.

Потеря классовой бдительности привела к тому, что в издательстве в течение многих лет творили свои гнусные делишки троцкистско-бухаринские последыши.

Враги народа Бухарин, Каменев, Радек писали предисловия, матерые троцкисты издавали книги и «сотрудничали» в издательстве в разных формах (например, расстрелянные террористы Пикель и Тер-Ваганян).

Враги народа широко пользовались деньгами из издательского кармана.

Использовав политическую слепоту гослитиздатовских руководителей, враги сумели проникнуть не только в число постоянных авторов, но и в издательский аппарат.

Партийная организация неоднократно ставила вопрос о снятии некоторых враждебных людей с работы, но каждый раз встречала со стороны руководства упорное сопротивление.

Враги протаскивали издание вредных и контрреволюционных книг, «привлекали» к работе троцкистских последышей. Несмотря на очевидную безграмотность и непригодность подобных «работников», они продолжали вершить дела в издательстве.

Засоренность аппарата и авторского коллектива серьезно отразилась на производственной деятельности Гослитиздата. Только за первое полугодие 1937 г. из-за плохой, небрежной, а в ряде случаев вредительской работы сотрудников, было переверстано 14 книг. Шесть книг были списаны в макулатуру. Казалось бы, что одно это должно было насторожить руководство издательства, должно было заставить его проверить ряды своих сотрудников. Этого не случилось. Руководители издательства либерально относились к ошибкам и политическим промахам редакторов. Организационных выводов никаких не делалось.

Редактор Петров пропустил в печать предисловие, искажающее политический облик Салтыкова-Щедрина. Тот же Петров халтурно отредактировал сборник произведений Чехова (см. об этом сборнике статью в № 13 «Литературной газеты» «Цицеронистая Мантифолия»). Накоряков вместо того, чтобы изгнать Петрова и обсудить среди сотрудников деяния сего редактора, прикрыл его. Петров уволен был из издательства по собственному желанию.

Не обсуждался в издательстве вопрос о редакторе Волкове, который пропустил в книге Сельвинского политически ошибочное стихотворение, «просмотрел» троцкистское утверждение в книге стихов Безыменского.

Отсутствие большевистской зоркости и принципиальности чувствуется почти в каждой области гослитиздатовской деятельности.

Разве случайно Гослитиздат по месяцам маринует важные, политически-актуальные книги, поэмы и романы, которых с нетерпением ждет страна?

Случайно ли Гослитиздат задерживает выпуск книг писателей-антифашистов, сражающихся за республиканскую Испанию? Книга Реглера «Посев» получена в Москве давно. Журнально-газетное об'единение ее уже выпустило, а Гослитиздат даже не включил ее в план 1937 года. Лишь полтора месяца назад она была сдана вне плана в производство.

Два года «работает» Гослитиздат над первым томом альманаха «Творчество народов СССР». Альманах был создан по инициативе А. М. Горького.

Великий пролетарский писатель возлагал на альманах большие надежды. Он считал, что альманах еще теснее, еще крепче свяжет в одну братскую семью всех писателей многонационального Советского Союза.

Работники издательства бюрократически отнеслись к прекрасной инициативе Алексея Максимовича.

В редакцию альманаха проникли враги, на глазах руководителей издательства разлагавшие работу. Однако никаких мер предпринято не было.

Все изложенное здесь далеко не исчерпывает безобразий, творящихся в Гослитиздате.

Но и сказанного достаточно, чтобы потребовать коренной чистки аппарата Гослитиздата, коренной перестройки методов руководства издательством и его редакциями.

Притупилось острие революционной бдительности в Гослитиздате. Его дирекция и руководящие работники, пожиная пагубные последствия собственных гнилых методов, — в ответе перед советской общественностью!

В. ТОНИН

Оборонный репертуар для эстрады

Издательство «Искусство» готовит к печати **сборник оборонных произведений для эстрадного исполнения.**

В сборнике пять разделов. В первом из них, озаглавленном «Страницы истории», собраны произведения о прошлом русской армии и армий капиталистических стран. Здесь — «Севастопольские рассказы» Л. Толстого, отрывки из драматургической хроники А. Н. Островского «Минин», из поэмы Маяковского «Война и мир», из романа Анри Барбюса «В огне», из «Похождений бравого солдата Швейка» Яр. Гашека и другие.

Во втором разделе, посвященном гражданской войне, — рассказы Матэ Залка «Бессмертие» и Ю. Яновского «Письмо в вечность», отрывки из второй книги «Тихого Дона» М. Шолохова, из «Чапаева» Д. Фурманова, из «Разгрома» А. Фадеева, две баллады Н. Тихонова «Махно» и «Подарок», «Песня тридцатой дивизии» М. Светлова, «Баллада о каптенармусе» А. Суркова, «Сивашская битва» И. Сельвинского, «Манифест барона фон Врангеля» Демьяна Бедного и др.

Третий раздел — «На страже». Он включает отрывок из пьесы «Пограничники» В. Билль-Белоцерковского, стихи Ник. Асеева, Н. Ушакова, В. Лебедева-Кумача, Радуле М. Стийенского.

Рассказы Мих. Кольцова «Сосна и пальма», Луи Арагона «Руку, товарищ», «Испанский рассказ» И. Эренбурга, стихи об Испании С. Михалкова, Б. Ковынева и Дж. Алтаузена составляют предпоследний раздел книги «Запад».

Заключительная глава сборника — «Будущее» — заполнена вещами о будущей войне. Этой теме посвящены рассказы И. Бабеля «Шпион», В. Герасимовой — «Баба», отрывок из романа П. Павленко «На Востоке», стихи Мих. Голодного, Я. Шведова, В. Сосюры и др.

Книга выйдет к 20-летию Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

Выставка детской книги

В детском городке Центрального парка культуры и отдыха им. Горького открыта большая выставка, организованная Детиздатом. На ней около тысячи книг, выпущенных за последние полгода.

В добротных изданиях представлены классические и советские произведения для детей и юношества, мемуарная и биографическая литература, сказки, литература на языках народов СССР.

В разделе «Жизнь замечательных людей» выставлены книги Детиздата о Владимире Ильиче Ленине, о Сергее Мироновиче Кирове, о крупнейших писателях, ученых и путешественниках.

Прошлое и настоящее нашей страны представлено изданиями о гражданской войне и о нашем социалистическом строительстве.

Один из щитов с книгами посвящен теме «О детстве и детях». Здесь ребята находят: «Приключения Тома Сойера», «Приключения Гекльберри Финна» и «Принц и нищий» Марка Твэна, «Гаврош» В. Гюго, «Детство и отрочество» Л. Толстого, «Детство Никиты» А. Толстого, «Белеет парус одинокий» В. Катаева, «Маленькие дети в большой нужде» Курта и Ярмины Гаузнер и др.

На выставке показаны также все вышедшие названия «Пушкинской библиотеки», «Горьковской библиотеки», «Маленькой библиотеки», а также серий «Книга за книгой», «Рассказы иностранных писателей» и др.

Понравившиеся ребятам книги тут же выдаются им для прочтения. Устроители выставки собирают отзывы юных читателей о всех новинках Детиздата.

«150.000.000» Вл. Маяковского

Поэму «150.000.000» Вл. Вл. Маяковский написал во время гражданской войны.

В 1922 году в своей автобиографии поэт писал:

«20-й год. Кончил «Сто пятьдесят миллионов». Печатаю без фамилии. Хочу, чтобы каждый дописывал и лучшил. Этого не сделали, зато фамилию знали все».

С тех пор поэма печатается за подписью Маяковского.

На-днях в Гослитиздате выйдет новое иллюстрированное издание «150.000.000».

Книга выпущена на хорошей бумаге. Переплет, форзац и рисунки выполнены художником Н. Ф. Денисовским.

Выставка о войне 1812 г.

ЛЕНИНГРАД. **(Наш корр.).** Государственный университет им. Бубнова готовит большую выставку к исполняющемуся 8 сентября этого года 125-летию Бородинского сражения.

Двадцать отделов выставки отобразят вторжение и изгнание Наполеона из России.

Специальный отдел будет посвящен художественной литературе и произведениям изоискусства, отображающим войну 1812 года.

Для выставки готовится макет, изображающий один из эпизодов Бородинского сражения. Выполнен он будет в одну шестидесятую натуральной величины.

Книги Лермонтова

Гослитиздат выпускает в текущем году несколько книг великого русского поэта М. Ю. Лермонтова.

В серии «Дешевая библиотека» тиражом **75.000** экземпляров издается проза поэта. Вступительная статья и примечания к произведениям написаны литературоведом Юнович.

Массовым тиражом выпускается однотомник Лермонтова. В него вошли все прозаические, поэтические и драматургические вещи поэта. Составлен однотомник Б. Эйхенбаумом.

В домике бабушки Лермонтова

В селе Кропотово, Курской области, Волынского района (бывший Ефремовский уезд Тульской губернии) сохранился домик, где провел детские годы М. Ю. Лермонтов у своей бабушки Арсеньевой.

Домик реставрируется. В нем будет устроен Лермонтовский музей.

Среди молодых писателей Казахстана

Молодые казахские писатели работают над произведениями, посвященными двадцатой годовщине Великой пролетарской революции.

Таир Жароков закончил поэму «Таскын» («Наводнение»), в которой показана борьба партизан и Красной армии с белобандитами в 1918—1919 годах, взятие города Верного красными партизанами и наводнение 1921 года.

К. Абубакиров работает над поэмой «Батырь»—о Красной армии — и над повестью «Махтабат» — о достижениях хлопковиков Казахстана.

Ж. Саздыков пишет роман в стихах о старом и новом аулах. Одновременно он работает над поэмой «Две встречи» — о героях труда.

Памятник Горькому в колхозе

Колхозники сельхозартели имени А. М. Горького, Беловского района, Курской области, решили в нынешнем году воздвигнуть у себя памятник великому пролетарскому писателю.

В фонд сооружения памятника Горькому колхозники отчисляют по два-три трудодня.

Дневник искусств

Ленинградский государственный театр им. Ленинского комсомола откроет сезон премьерой пьесы бр. Тур и Л. Шейнина **«Очная ставка»**, в постановке Е. Альтуса.

Тема пьесы — разоблачение шпионов — агентов Гестапо органами НКВД при поддержке широких масс советских патриотов.

Начаты репетиции юбилейной октябрьской постановки — **«Земля»** Н. Вирта и пьесы А. Н. Островского **«Без вины виноватые».**

В репертуарный план сезона 1937—38 года включены инсценировка романа Е. Войнич «Овод» и пьеса Н. Вирта «Северная башня».

★

Режиссерская секция ВТО наметила созыв **всероссийской конференции режиссеров** на тему: «Путь создания спектакля».

Конференции, которая состоится в декабре, будет предшествовать **конкурс на лучшую запись процессов работы режиссера-постановщика над спектаклем.**

Правом участия в конкурсе пользуются режиссеры-постановщики профессиональных и самодеятельных театров, а также актеры, занимающиеся, наряду со своей основной профессией, и режиссерской работой.

Срок конкурса — **25** ноября с. г.; срок представления заявок о желании участвовать в конкурсе — **15** августа.

Мордовская опера

Молодые московские композиторы Б. Трошин и М. Душский работают над мордовской оперой **«Охотник Бажут»**, по либретто А. Глоба.

Сюжет оперы относится к историческому прошлому Мордовии (XVII век). Музыкальное содержание оперы построено на материале мордовских народных мелодий и песен, записанных авторами во время их поездок в Мордовию в 1936 и 1937 гг., а также заимствованных из сборников мордовских этнографов Л. Кирюкова и И. Яушева.

«Охотник Бажут» — первый опыт создания мордовской национальной оперы.

Отдельные отрывки из оперы будут исполняться в столице Мордовской Республики — Саранске — на торжественном вечере в дни празднования 20-летия Великой Социалистической Революции.

Подписка на заем укрепления обороны СССР

Сумма подписки на Заем укрепления обороны СССР среди московских писателей достигает **400** тысяч рублей.

За истекшую декаду большую работу по завершению подписки на заем проделал группком писателей при Гослитиздате.

Не охвачено подпиской еще 18 человек, находящихся в командировках.

В основном закончена подписка в группкоме драматургов и в группкомах при издательствах «Советский писатель» и «Жургазоб'единение».

★

В доме отдыха Литфонда в Голицыне на **1000** рублей подписался на Заем укрепления обороны СССР живущий в Голицыне на даче **А. И. Куприн.**

Вниманию правления ССП

Письмо в редакцию

В ночь на 20 июля отдыхающие в доме отдыха Литфонда в Гаграх писатели были разбужены неистовыми криками, отчаянной руганью, доносившейся из коридоров дома. Сбежавшиеся на крики писатели, а также их жены, были поражены диким видом пьяного поэта Петра Орешина. Его пьяный дебош продолжался в течение нескольких часов.

Директор дома отдыха т. Шестаков, пытавшийся успокоить пьяного дебошира, был грубо обруган им. Ряду оскорблений подверглись также некоторые писатели, усмирявшие пьяного хулигана. В дальнейшем взбунтовавшийся Орешин показал также свое враждебное антисоветское лицо омерзительными антисоветскими выпадами.

Необходимо добавить, что участниками пьянки, учиненной Орешиным, были саратовский писатель Дальний и писатель из Республики Коми Доронин.

Считая поведение Орешина несовместимым со званием советского писателя, мы просим правление союза рассмотреть этот вопрос и вынести соответствующее решение.

ФАТХИ БУРНАШ (Татария).
ЮСУД ШИРВАН (Азербайджан).
И. АМИРОКОВ (Черкесия).
А. РЕВЯКИН (Москва).
М. ЮДЕЛЕВИЧ (Белоруссия).
Л. СМУЛЬСОН (Украина).

Ответственный редактор Л. М. СУБОЦКИЙ.
ИЗДАТЕЛЬ: Журнально-газетное об'единение.

РЕДАКЦИЯ: Москва, Сретенка, Последний пер., д. 26, тел. 69-61.
Издательство: Москва, Страстной бул., 11, тел. 4-68-18 и 5-51-69.

Уполномоченный Главлита № В—29611. Типография газ. «За индустриализацию», Москва, Цветной бульвар, 30.